

ДАНИИЛ КОРНАКОВ

ОДИН Я ЗДЕСЬ...

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Даниил Корнаков

Один я здесь...

«Автор»

2023

Корнаков Д.

Один я здесь... / Д. Корнаков — «Автор», 2023

1941 год, разгар Великой Отечественной войны. Сюжет военной драмы разворачивается в густых лесах Карело-Финской ССР, где главный герой, опытный охотник Сергей Ерофеевич, становится неожиданным свидетелем крушения немецкого истребителя. Единственный выживший в катастрофе - молодой летчик Клаус. Перед охотником встает сложный моральный выбор: оставить врага на произвол судьбы или спасти ему жизнь. Сжалившись над немцем, он решает выходить его в своем охотничьем домике и сдать партизанам. Однако вскоре история обретает неожиданный поворот, когда прямиком с фронта неожиданно возвращается сын Сергея.

© Корнаков Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Старый волк	10
Часть 2. Трудности перевода	35
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Даниил Корнаков

Один я здесь...

Я увожу к отверженным селеньям,

Я увожу сквозь вековечный стон,

Я увожу к погибшим поколениям.

(Данте А. «Божественная комедия». П. 3. С. 1)

Пролог

1941 год. 1 октября
На линии Брянского фронта
13-я армия

Левая рука рядового Максима, держащая карандаш, тряслась от судороги. В очередной раз он встряхнул ее, точно та была мокрой, сжал перепачканные в копоты пальцы и продолжил писать. Черный стержень быстро и одержимо выводил на пожелтевшем кусочке бумаги предложения, одно за другим. Он писал так, словно от этого письма зависела его жизнь, лишь изредка озираясь на перекошенную дверь блиндажа.

Снаружи мелькнуло несколько солдат. Юноши, подгоняемые командирами, становились на позиции, готовясь к предстоящему бою. У нескольких выступали слезы, которые они тут же пытались стереть рукавом униформы. Но многие ребята, напротив, были переполнены храбростью – лица буквально сияли от возбуждения. Им не терпелось вступить в бой с противником.

Капля пота с бледного лба Максима упала на бумагу, и на миг карандаш застыл в его руке, точно вдруг понял, что совершил ужасную ошибку.

– Медведев, ты какого хрена сидишь?! – раздался голос капитана, вошедшего в блиндаж. – Живо на расчёт!

Коренастый мужичок с грубой, как наждак, щетиной укоризненно взглянул на рядового. И даже несмотря на небольшой рост – капитан был ниже его почти на голову, – у Максима все похолодело внутри от одного только вида разозлённого офицера. Среди них, обыкновенных солдат, про капитана Андрея Злобина ходило много разных слухов, в большинстве своем связанных с его жестким нравом.

Максим не заметил подошедшего капитана или сделал вид. Все так же одержимо он выводил на бумаге слово за словом.

Капитан подошел к нему и отобрал письмо, чуть не разорвав.

– Ты что, оглох, рядовой?

– Товарищ капи...

– На позицию, я сказал, живо!

Желваки на лице капитана заходили ходуном – нехороший знак, уж рядовой В. это знал. Лучше подчиниться, иначе война с немцами покажется сладким вареньем в сравнении с гневом капитана.

– Есть, товарищ капитан!

Рядовой направился к выходу из блиндажа.

– Стоять.

Максим обернулся, заметив, как старший по званию пробежался глазами по письму.

– Кому письмо? – спросил он.

– Отцу, – без промедления ответил рядовой.

– Почему не отправил раньше, как все остальные?

– Я... – рядовой замялся и посмотрел в сторону, будто надеясь найти ответ на бревенчатой стене.

Капитан свернул письмо треугольником, пухлыми пальцами сгладил его по краям, взял со стола карандаш и протянул его обратно.

– Пиши имя и адрес.

На лице рядового на секунду проскользнула улыбка. Не мешкая, он подбежал к столу, где наспех накорябал карандашом адрес и имя получателя.

– Товарищ капитан, могу я вас еще попросить кое о чем...

Тот грозно посмотрел на него.

– Рядовой, ты в курсе, что у нас фрицы в паре километрах?

– Так точно, товарищ капитан, в курсе. – Из-за пазухи он вынул прямоугольный сверток из ткани, перевязанный бечёвкой. – Можно это моему отцу как-то передать? По этому же адресу?

– Ты охренел, рядовой? Я тебе что, почтовая служба?

Максим ничего не ответил, лишь продолжая держать в вытянутой руке лёгкую посылку размером чуть больше его ладони.

– Ладно, пёс с тобой, Медведев. – Капитан выхватил посылку из рук Максима, – Теперь марш на расчёт!

– Есть, товарищ капитан!

Рядовой, как и приказано, пулей вылетел из блиндажа.

Танковой дивизии и стрелковому батальону 13-й армии, в которой состоял Максим, была дана чёткая задача – остановить приближающиеся немецкие силы, с каждым днем пробивающийся в глубь Брянщины. И даже несмотря на успешное оттеснение немецких войск меньше месяца назад, те продолжали наступать. Уж чему-чему, а упорству этих гадов можно было только позавидовать.

Невзирая на упрямый натиск фашистов, многие бойцы были в приподнятом настроении. Успешное отражение большинства атак немцев и рассказы ребят, побывавших в парочке боев, воодушевляли и придавали веру в победу. Максим легко убедился в этом, когда взглядом скользнул по траншее, где такие же молодые, как и он, солдаты лежали на животе в грязи, слушая рассказы бывалых. Даже ребята-танкисты, обычно серьёзные и суровые мужики, подбадривали друг друга и обменивались табачком. Одним словом, обстановка стояла уверенная. Чутье подсказывало, что в этом бою он обязательно проявит себя и, быть может, заслужит похвалу капитана Злобина. Максим знал, что не только выживет, но и совершит какой-нибудь подвиг. Он мечтал о подобном дне, и теперь обязательно выложится до предела, чтобы не подвести товарищей по оружию и себя в первую очередь.

Максим предвкушал предстоящую битву, как и многие рядом.

Пару дней назад, прежде чем занять этот оборонительный участок, их батальон остановился в небольшом селе в тридцати километрах отсюда. Пасущиеся на лугах стада коров, кричащие петухи и запах сена напомнили ему родную деревушку, из которой он ушел на фронт. Увиденное вызвало неимоверную тоску. Он точно вернулся обратно в это захолустье, где, кроме вонючей скотины да четырех углов его хижины, не было ничего. Подлинная тоска – гнить до самой старости как его отец в таком месте. Уж лучше война.

Но, чего не отнять у того поселка, где они остановились, так это девчонок: краснощекие, с пухленькими губками – ай, как хороши! Стесняясь, прятали глазки и угощали солдат холодным молоком со свежеспечёнными пирожками. Запомнил он и бабок, которые, не отрывая взгляда от юношей, сидели на крыльцах и, прикладывая свои костлявые ладони ко рту, покачивали головой и все бубнили:

– *Что же это делается-то, господи! Молодые такие!*

Были и мальчишки, которые подбегали с вытянутыми руками и умоляли дать потрогать оружие. Храбрые сорванцы просили взять их с собой на фронт, чтобы помочь мочить фашистского гада, но после упрекающего материнского взгляда тут же убегали домой.

Из головы Максима не выходил и еще один человек, которого он видел тогда, несколько дней назад. Миленькая, худенькая как тростинка девушка с косынкой на голове. Он заметил ее, когда прогуливался вдоль села ранним утром. Она сидела на пеньке и доила корову на небольшом пустыре в поле. Худенькие ручки умело обхватывали вымя – сразу видно, заниматься

этим ей не впервой. Вокруг не было ни души, и одинокая девушка в пустом поле показалась ему вначале не иначе как миражом. Словно он смотрел на картину какого-нибудь живописца. Но доярка отвлеклась, чтобы протереть лоб от пота, – тогда выдалось жаркое утро, – и посмотрела в его сторону. Большие голубые глаза так пленили молодого солдата, что он, казалось, прямо сейчас потеряет сознание и упадет. В глазах этих был весь мир. Она нежно улыбнулась ему, помахала ручкой и вновь вернулась к работе.

В этот день Максим осознал, что воюет не за себя, не за кусок земли, не за своих командиров, вовсе нет. Он воюет за таких, как вот эта девушка, сидящая на пеньке в пустом поле и доящую корову.

Та странная встреча отпечаталась в его сознании подобно глубокому шраму и не выходила из головы. До сих пор как святой образ ему иногда чудились эти яркие голубые глаза. Яркие настолько, что способны прогнать всю тьму...

Теперь эта деревня стояла за его спиной за несколько верст от их позиции, и если немец надеется дойти до нее, то он глубоко ошибается. Максим не позволит.

Ни шагу назад!

Впереди, за холмом, послышался звук, который он безошибочно определил как шум двигателя одного из фашистских танков. Идут...

Солдаты в траншеях всполошились, прицелы на их винтовках заходили ходуном. Прежнюю уверенность как ветром сдуло. Сержант громким шепотом приказал всем соблюдать спокойствие и слушаться его, если хотят выжить.

Максим крепко сжал рукоять ДП-27, закрыл глаз и прицелился в сторону холма, откуда с минуты на минуту должен был появиться противник. Он жаждал этого. Ему хотелось, чтобы в прицеле его пулемёта поскорее оказался фашист, которого он прошьет пулями насквозь, и приступит к следующему. Он работает четко – как часы.

Гришка, его напарник, помогающий перезаряжать пулемет, уже держал наготове дисковый магазин.

Двигатели танков неожиданно заглохли, земля перестала дрожать.

– Чего они остановились? – спросил Гришка.

– Не знаю...

Сердце его заколотилось от волнения. До чего же жуткая тишина! Что-то было не так.

Воздух разорвал свист, с каждой секундой становившийся все громче. И в этот миг Максим понял, что сегодняшний бой будет не таким, как он себе представлял.

– Артиллерия, ложись!

Череда взрывов разнесла нехилую часть батальона. Напуганные солдаты бросились враспынную, пытаясь спастись от сбивающей с ног волны. Из храбрецов они превратились в муравьев, разбегающихся в разные стороны. Во всей этой вакханалии тяжело было разобрать, что кричал сержант.

Мальчишки, только вчера закончившие учебку, бросали винтовки, убегали в окопы и, пряча голову в руках, звали матерей и отцов, чтобы те забрали их отсюда. Были еще и те, кого взрывы пошатнули так, что они начинали голыми руками рыть землю, чтобы спрятаться от этого оглушающего свиста и грохота.

Немцы появились из-за холма. Уверенно они двигались к их линии обороны, используя танки в качестве укрытий. Железные монстры, которые большинство из солдат увидели впервые наяву, внушили им невероятный страх.

Прямо над головой у Максима раздался свист, после которого все лицо его оросила кровь. Из-за льющего ручьями пота он не сразу понял, чья именно кровь оказалась на его щеках. И только тогда, когда он машинально потянулся рукой к Гришке, чтобы получить очередной диск-магазин для пулемёта, все понял. Тот лежал мертвый, оперевшись спиной на стену траншеи. Пуля угодила ему прямо в лоб, убив мгновенно.

Пьянящая и слепая ненависть завладела Максимом. Ему стало плевать на приказы и на то, что с ним будет. Он схватил лежащий на земле диск, зарядил ДП – на это ему понадобилось около десяти секунд – и начал палить в немцев. Большинство пуль из его ДП не достигало цели, вонзаясь либо в рыхлую почву, либо в сверхпрочную обшивку наступающего танка.

Максим даже не заметил, как в сторону его пулеметного расчёта медленно повернулся ствол танка. Невидимая волна от выпущенного снаряда с невероятной силой отбросила его в сторону и похоронила под землей.

Все было кончено.

Часть 1. Старый волк

Как и положено, Борька залаял в пять утра – ни минутой позже или раньше. Лай эхом разнесся по всему лесу, не оставив без внимания местных обитателей. Снегири и синицы, щебечущие на верхушке сосны, слились в одну кучку и улетели подальше от нарастающего лая. Белка, умывающая мордочку черными лапками, тут же скользнула в норку подальше от возможных неприятностей. Даже ветка сосны с полоской снега шелохнулась и обронила свою ношу прямо на черный нос нарушителя спокойствия. Внутри псины, наверное, существовал специальный механизм, отвечающий за гавканье в определенное время, который еще ни разу не давал осечку. Ибо как это еще объяснить, ей-богу!

Для Сергея Ерофеевича, охотника с многолетним стажем, лай собаки уже давно слился со звуком собственного дыхания или биением сердца – настолько он привык к нему. Единственное, что могло насторожить старого охотника, – это то, как именно лает его пес. Он готов был поклясться, что Борька умел разговаривать с ним на своем, собачьем языке. К примеру, если во время промысла где-то недалеко бродил хищник, пес тут же начинал скалиться и тихо рычать, не отрывая черных глаз от места, откуда почуял запах. Именно те звуки, что издавал Борька, помогали Сергею заранее продумать дальнейшие действия. Бывало, что пес просто ложился на землю, щетинился и тихо поскуливал, тем самым предупреждая о надвигающейся непогоде. Вот и сейчас Сергей, едва разлепив глаза после сна, по умоляющим ноткам в лае, как всегда, понял, что именно хочет сказать его надежный товарищ.

– Обожди со жратвой, Борька! Дай хоть на ноги встать!

Услышав хриловатый голос из хибары, Борька тут же замолк и стал покорно ожидать хозяина.

Через силу он разлепил водянистые глаза. Густые брови почти срослись у переносицы, придавая ему хмурый вид. Рот спрятался в зарослях полуседой, жесткой бороды, достающей почти до самой груди. Сальные волосы кое-как подстрижены собственными усилиями и напоминали больше воронье гнездо. Сидя на кровати, он казался жалким, скрюченным стариком, но стоило ему встать в полный рост, как тут же он превращался в высокого мужчину, с длинными волосатыми ручищами и широченными покатыми плечами. Он напоминал медведя, пробудившегося после долгой зимней спячки. Даже в его недовольном ворчании улавливалось медвежье рычанье.

Жил охотник в старой бревенчатой хибарке, построенной давным-давно еще его отцом. Держалась она на добром слове и нуждалась в хорошем ремонте, до которого у Сергея руки так и не доходили. Всему виной была не лень, а скорее отсутствие второй пары рук, без которых починка хижины в его немолодом возрасте была трудноосуществимой.

И все же, несмотря на удручающее наружное состояние, внутри хижины было довольно уютно. В самом центре единственной комнатки стояла буржуйка, основной источник тепла. Рядом с ней разделочный стол с керосиновой лампой, где охотник свеживал добытую им дичь. В остальном, кроме парочки полок, где хранилось все необходимое, в хижине больше ничего не было.

Сергей почувствовал, что ноги его за ночь успели озябнуть. Он приложил руку к бревенчатой стене и, пройдясь по ней ладонью, ощутил холодок. Присмотревшись, заметил небольшую щель, через которую сквозил мороз. Выругавшись, он уже предвкушал утро с непривычной для него чашки горячего чая.

Борька обнаглел и решил нарушить тишину звонким лаем, напоминая о своем присутствии.

– Да иду я, атаман! Иду! – сказал Сергей и откашлялся.

2

Пес сидел возле будки, смиренно наблюдая за хозяином. Черно-рыжая морда жалостливо наклонялась, когда Сергей на секунду отвлекался от заделывания щели в стене, чтобы потянуться за следующим гвоздем из стеклянной банки.

Спустя час отверстие в захудалой хибарке было заделано, и Сергей, отойдя на несколько шагов назад, осмотрел свое творение.

Древние как мир бревна, наложенные друг на друга, создавали удручающее впечатление. Просевшая за множества зим крыша местами прохудилась. Было необходимо каждый месяц хотя бы раз, да заделывать дыры в ней заплатами, как на изношенных штанах. Даже будка Борьки, в которой тот ночевал, давно покосилась и грозилась развалиться в любую секунду. Да еще и снег, внезапно упавший аж в середине октября, создавал большие проблемы.

– М-да... – Сергей оглядел заснеженную за одну только ночь местность. – Промысел обещает быть непростым, Борьк.

Пес тихо заскулил, как бы подтверждая слова хозяина. Он положил морду на землю и всем своим видом давал понять, что ему невыносимо смотреть на пустой металлический тазик возле его лап. Подобный трюк пса сработал бы с кем угодно и тот через минуту дал бы бедняге поест, но с Сергеем этот приемчик не прокатывал. Уж он-то знал, что нельзя баловать животное, как бы сильно оно не строило тебе глазки. Только строгим порядком и дисциплиной можно сделать из глупой дворняжки настоящего охотничьего пса.

Ровно в шесть утра счастливая морда Борьки окунулась в мелко нарезанные кусочки мяса. Хвост-рогалик мотался из стороны в сторону как помелё. Глядя на пса, Сергей подумал, как же хорошо быть таким вот Борькой – жри да спи, и ничего больше не надо для счастливой жизни.

По привычке Сергей сел на полено рядом, погладил пса по спине и принялся завтракать горячей овсянкой. Вокруг стояла мертвая тишина, нарушаемая лишь чавканьем Борьки. Белый как молоко снег ослеплял, отражая лучи бледного солнца. До чего было приятно просто посидеть и насладиться прохладным утром.

– Ну чего, Борька... – Сергей погладил пса по загривку и закурил махорку. – Идем на второй заход?

Пес довольно рыкнул, и охотник счел это за согласие.

3

До родной деревушки путь был не близким, но благодаря ковру снега, обильно покрывшему весь лес за считанные дни, Сергей намеревался быть на месте уже к вечеру. В этом отлично помогали снегоступы, которые он захватил с собой как нельзя кстати. Чуйка о надвигающемся снеге не подвела.

Борька бежал впереди, давно зная дорогу. Лишь изредка он останавливался возле приглянувшегося дерева, спешно обнюхивал, делал свои собачьи потребности и снова бежал впереди планеты всей.

Ближе к полудню Сергей устроил небольшой привал, чтобы закурить и заморить червячка. Пса тоже не обделил, кинув ему пару заранее заготовленных кусочков мяса. Охотник осенило, что не помешало бы ему в деревне запастись чуть большим количеством махорки, поскольку курил уж он очень много в последнее время. К тому же задуманный им промысел на всю зиму обещал быть не из легких. Нутром он чувствовал, что в этом году будет особенно холодно, и поэтому решил сделать два захода в деревню за всем необходимым, так как не смог увезти всю провизию за один заход. Зимой же оно как, всего нужно в два раза больше:

и водочки для согрева, и еды для силы, и патронов для ружья, которые всегда могут отсыреть. Зимушка-проказница неизменно забирает больше всех, поэтому и запастись надо получше.

Скоро Сергей добрался до речки, еще не успевшей замерзнуть. На берегу стояла лодка для переправы, ей он пользовался еще неделю назад, когда впервые шел в свой охотничий домик. Наученный частыми походами Борька забрался на борт, и Сергею только и оставалось, что бросить весь походный скарб рядом с псом и спустить лодку на воду.

Стоя на носу лодки и вытянув морду вперед, он напоминал гальюнную фигуру старого парусного корабля. С любопытством пес рассматривал собственное отражение в плывущих складках волн под веслами. Любопытство пса забавляло охотника.

Через полчаса вышли на берег возле большого булыжника треугольной формы – эдакого знака для остановки. Сергей оттащил лодку как можно дальше, закрепил снегоступы и продолжил поход в деревню. Идти оставалось всего ничего.

4

Он добрался до деревни, когда солнце намеревалось исчезнуть за горизонтом. Чуть более десятка бревенчатых изб наряду с сараями и хлевами мирно покоились на пустыре, окруженные со всех сторон густым лесом. Несколько мужиков кололи дрова на зиму, складывая их в поленицу. Ребятишки игрались в снежки, прячась за сараем и брошенной телегой. Густой дым, идущий из дымоходов, подсказывал, что хозяйки вовсю готовятся к предстоящему ужину.

Борька, узнав родные просторы, тут же побежал к играющей детворе. Сергей же не торопился, хотелось ему пройтись подольше по окрестностям деревушки, как бы прощаясь с ней на долгие три месяца, в течение которых предстоит ему жить совсем одному в лесной глуши.

– Сергей Ерофеевич, вернулся!

Первым его заметил Генка Петрович, их сельский врач. Внешне он совершенно не вписывался в здешний контингент, состоящий из одних колхозников. Выделяли его не только маленькие очки-половинки на переносице и всегда гладко выбритое лицо с блестящей кожей, но и манера речи, эдакая интеллигентная, городская, с вкраплениями умных словечек, до которых не каждый местный допрет. А еще был он ужасно худым, как скелет, и для своих шестидесяти с хвостиком выглядел довольно молодо.

Помимо своей основной деятельности, Гена также являлся сосредоточением культуры в деревушке. Кладезем этой самой культуры была его личная библиотека, которой он хвастался при любом удобном случае. С его слов, у него были знаменитые классики, как зарубежные, так и наши. Он охотно делился книжками с местными, при условии, что те будут возвращены в целости и сохранности.

Сергею так хотелось избежать встречи с этим чудесным, но до устали настырным человеком! Но, видать, не судьба.

– Здравствуй, Гена, – с натушной улыбкой сказал Сергей.

– Наверное, ко мне на прием?

– Да нет, я тут... Промысел у меня, время жмет.

– Слушай, это уже ни в какие ворота, – голос Гены звучал нравоучительно. – Ты еще месяц назад клялся зайти, а теперь вот дотянул – на охоту убегаешь. Как мальчик маленький, ей-богу! Взрослый же человек! – Он подошел ближе и перешел на шепот: – Нехороший у тебя кашель, Сергей Ерофеевич, в самом деле нехороший. Осмотреть тебя нужно как следует.

И действительно вот уже несколько месяцев у Сергея из раза в раз появлялся неприятный такой кашель с хрипотцой. Иногда, бывало, болела глотка так, что внутри будто кошки драли. И вот с месяц назад, совсем некстати, раскашлялся он перед проходящим мимо Генкой. Тот сразу же его за руку и повел к себе в дом на осмотр, но Сергей в последний миг успел уговорить врача на то, чтобы осмотрел он его вечером. В тот день жутко он был занят подго-

товкой к предстоящему промыслу. Этим же вечером обещание как-то позабылось, как и все последующие. В сравнении с тамошними окружающими его заботами кашель этот выглядел сущим пустяком.

– Вот что, Ген, я сейчас дойду до хаты...

– Опять ты за свое?

– ...и клянусь тебе, что вечером забегу. Ну правда, дел по горло. Это же хлеб мой!

– А твое здоровье – мой хлеб, знаешь ли! – Гена явно сердился. – Ей-богу, брошу вас всех к чертовой матери и на фронт пойду. Там я куда нужнее, чем здесь с вами, настырными.

– Ген, вот тебе крест, вечером буду! Разгребу все задуманное и как штык буду. – Всеми силами Сергей пытался как можно скорее закончить этот разговор и мирно разойтись.

– Ну, смотри мне, Сергей Ерофеевич... – Врач было поднял руку, чтобы погрозить пальцем, да не стал. – Жалеть потом будешь.

Явно не поверив словам Сергея, Гена ушел обратно в свою хибару. Чтобы не расстраивать сельского врача, без всяких нареканий действительно золотого человека в их маленьком поселении, он все же теперь точно решил зайти этим вечером на прием.

Дойдя до конца двора, где на отшибе стоял его домик, он встретил еще одного друга:

– Серега! Здорово, браток! На второй заход?

– И тебе не хворать, Васька. Второй, второй, приходится вот одному теперь копошиться... Как хозяйство?

– Да какое хозяйство! Муренку пришлось заколоть, совсем она одряхла, молока не давала. Бес его теперь знает, где вторую корову взять в наше-то непростое время. Война, как никак...

Сергей остановился, тяжело вздохнул и повторил про себя это мерзкое слово...

Война.

В лесу как-то и забывалось, что сейчас в мире творится черт-те что. В хибарке время шло медленнее, и все чудилось, будто на другой он планете находился. И вот стоило дойти до такой вот маленькой деревушки, как тут же возвращался в жестокую реальность.

Война.

Несколько месяцев прошло с тех пор, как здешнее население убавилось почти наполовину. Молодые ребята, способные держать оружие в руках, стремились убежать как можно дальше от наскучившей им жизни в деревне. С громкими словами о защите родины и скрывая истинное желание бежать в место, о котором только в книжках читали, они обнимали своих матерей и отцов, садились в грузовики, увозившие их то ли на смерть, то ли в ту самую новую жизнь. Сергей прекрасно знал, что такое война и с чем ее едят. До сих пор он помнил каждую секунду окопных боев Первой мировой, слышал по ночам голоса погибших товарищей, которые являлись и во сне и даже наяву, как призраки. О да, ему ведомо, какого это – воевать. Та война изменила его, сделала другим...

Именно поэтому решение отпустить родного сына на фронт далось ему нелегко.

Максимка всегда мечтал выбраться из этого захолустья, и наступившая война вкупе с пришедшей повесткой стала для него отличным поводом. Отца он поставил перед фактом, когда собирал вещи. Тот день до сих пор не выходил у него из головы:

– Ты куда это собрался? – Сергей снял пальто и промахнулся, когда хотел повесить его на крючок, но не обратил на это никакого внимания. Не до пальто ему было, когда увидел он наголого обритого сына, собирающего в мешок свои пожитки.

Максим не отвечал, делая вид, что не замечает отца.

– Я тебя спрашиваю?!

– Будто ты не знаешь!

У Сергея в горле пересохло. Он словно увидел себя со стороны двадцать с лишним лет назад, один в один. Наивный дурачок, решивший променять деревянную винтовку на настоящую.

– Не пушу, – твердо произнес Сергей, заслонив дверь.

– Отец...

Взгляд сына упал на грузовой ЗИЛ, мотор которого кашлял во дворе. Молодые мальчишки, все поголовно Максимкины друзья, прощались с рыдающими матерями. Жали руки отцам, закуривавшим третью сигарку подряд. Детишки помладше окружили грузовик как мухи варенье и разглядывали каждую детальку.

– У нас работы как у лешего в лесу забот! Нам к следующему промыслу в хибаре крышу поменять надобно, подлатать еще там по мелочам кое-чего.

– Какой, к ядрёной фене, промысел?! – голос Максимки повысился. – Ты вообще в этом мире живешь?!

– Я-то? Уж в этом мире живу, сынок, и прекрасно понимаю, что происходит. Пацаны со двора прыгнули в кузов, и ты вместе с ними хвостиком? Чтобы стыдно не было?

– Дай пройти...

– Одумайся, дурья ты башка! Ведь ничего не знаешь о войне! Ничегошеньки! Там убивают, понимаешь ты это?!

Но Максимка продолжал протискиваться к двери, старательно пропуская мимо ушей слова отца. И тогда Сергей не выдержал, схватил сына за ворот свитера и притянул к себе.

– Отсидись здесь по-тихому. Тебя не хватятся. Ежели придет кто, так скажем, что в лесу ты, со мной! А они так далеко за тобой одним не попрутся.

Максима это ни капли не переубедило.

– Сгинешь же! Убьют тебя! Убьют! – кричал Сергей, лицо которого выражало ненависть и заботу одновременно. Максимка сопротивлялся и в конечном счете вырвался из крепкой хватки, а затем упал на пол. При виде родного сына, лежащего на полу, в голове Сергея подобно наваждению появилось воспоминание из далекого прошлого. Еще совсем шкет с молочными зубами лежит Максимка на земле, громко плачет и держится за ножку, которую вывихнул, когда сорвался с яблони. Бледное личико блестит от слез, в светлых волосах грязь. Кричит он жалобно:

– Папенька! Папенька!

И Сергей, бросив начищать ружье, бежит на крыльцо, видит хлипкое тельце рыдающего сына и кидается его обнимать, успокаивать, шептать на ушко, что боль пройдет, нужно только потерпеть. Тогда ему показалось, что он потерял сына, единственное родное ему и близкое создание на этом свете. Нет у него больше ничего за душой, кроме Максимки.

И вот теперь, после стольких лет, прожитых вместе, сердце его словно током ударило, как тогда.

Теперь это уже не тот пацан, что был много лет назад. Перед ним стоял мужчина – крепкий, ловкий и выносливый, двадцати двух лет от роду. Будто с него рисовали все эти плакаты с солдатами, развешанные тут и там.

Не вставая с пола, Максимка крикнул:

– Лучше там сдохну, чем в дыре этой!

И, вскочив на ноги, направился к двери. Сергей не сдаётся и еще раз пытается убедить его бросить это дело. Вдруг одумается!

Но Максимка уже залез в кузов к товарищам, поцеловал в щечки провожающих девчонки, помахал всем собравшимся, и грузовик тронулся.

Последний раз Сергей плакал, когда погибла жена восемнадцать лет назад. Тяжело ему далась утрата супруги и так же тяжело дается... Нет, еще не утрата, расставание с сыном.

С тех пор минуло несколько месяцев. Война была в самом разгаре, а от Максимки так и не пришло ни одной весточки.

– Может, по рюмахе, Серег? Что скажешь? За добрый промысел!

– В другой раз, – немного подумав, ответил Сергей. Выпить ему очень хотелось, но, увы, не мог – утром нужно встать рано, без тяжелой башки. – А от табачишка не откажусь. Видал, снег уже выпал, в октябре! Плохой это знак. Зима обещает быть холодной, лишним легкие прогреть не будет.

– Будет тебе курево. Граммов двести отсыплю. Но с тебя пушнины, когда придешь после промысла.

– Какая еще пушнина? Ты мне с прошлого года барыши за три шкуры должен. Ишь чего удумал.

– Помнит, смотри! Есть еще в башке порох... Уговорил! Вечером курево занесу в уплату долга.

– Двести пятьдесят граммов, – серьезным тоном заявил Сергей.

– Это еще с какого перепугу?

– А это сверху, за терпение мое железное.

Васька махнул рукой.

– Хрен с тобой, досыплю.

Сергей ухмыльнулся и побрел дальше. Василий окликнул его:

– Серега, погоди! Задержись на минуту!

Мужик скрылся в доме и совсем скоро подбежал к Сергею и протянул ему немного помятый бумажный треугольник и что-то завернутое в светло-зеленую ткань.

– Дурья моя голова, я же совсем запамятовал! Вчера почта пришла, а там...

Осторожно, словно хрупкое стекло, Сергей взял в руки письмо, сложенное треугольником, и загадочную посылку. Глаза охотника заблестели, когда увидел он знакомый почерк, которым было написано название их деревушки и его собственное имя.

– Максимка? – спросил Васек, не отрывая взгляда от Сергея, сжимающего дрожащими руками бумажный треугольник.

– Спасибо, – тихо пробубнил он, не отрывая глаз от письма, и направился в сторону своего дома. Вася хотел было его остановить, но лишь привычно махнул рукой и направился к себе в хижину.

5

Сергей не торопился разворачивать письмо. Охотник сел за стол и сверлил взглядом бумажный треугольник, рассматривая собственное имя и два штампа с доплатой и адресом отправки.

Он ждал этой секунды вот уже несколько месяцев. Все надеялся, что Максимка перестанет на него злиться и наконец черканет хотя бы пару слов. Плевать, что будет написано, но зато письмо от его родного сына!

Борька подошел к хозяину и положил морду на его колено, как бы тоже желая прослушать содержание письма.

Первым делом Сергей вскрыл посылку. Он развязал бечёвку, убрал в сторону потрёпанную ткань и увидел тоненькую книжку синего цвета. На местами потертой обложке позолотой курсивом было написано «Лермонтов М.Ю.». Робко, переживая за состояние книги, он открыл ее на первой странице. Там, помимо изображения самого автора в овальной рамке внизу было также название «Стихотворения». Сергею так сильно понравился подарок, что он прижал его к губам и понюхал корешок, пахнувший сырой землей и деревом. Вероятно, книга эта прошла непростой путь, прежде чем оказаться здесь.

Далее настала очередь письма. Осторожно он взял его в руки, понюхал по старой охотничьей привычке, учуяв затхлый запах. Развернул его и заметил, что оно все было испачкано грязью. Некоторые буквы смазались. Письмо явно писалось в спешке. Не торопясь Сергей приступил к чтению:

«Здравствуй, отец.

Шлю тебе красноармейский привет! Надеюсь, это письмо застанет тебя в добром здравии. Спешу сообщить, что я жив, здоров и не ранен. Самочувствие мое также в полном порядке.

Очень хочется верить, что письмо это попадет к тебе прежде, чем ты отправишься на промысел.

Распределили меня в стрелковый полк. Познакомился тут со многими ребятами. Оказывается, не я один такой издалека! Есть у нас Гришка Пономарев, так он из самого Красноярска. Мы с ним вместе на пулемётном расчете – я стрелок, он патроны подносит. С нетерпением мы с ним ждем первого боя, чтобы всю эту фашистскую нечисть прогнать с нашей русской земли!

Жизнь армейская интересная, но трудная. Пока не пойму, привык я к ней или нет. Но одно знаю точно – я сделал правильно, что пошел на фронт.

Хотелось бы много чего написать, но мне нужно спешить.

Целую и крепк...»

На этом письмо обрывалось, заставив Сергея насторожиться. Он тут же задался вопросом, что именно помешало Максиму дописать его? Все ли с ним в порядке?

Сергей еще несколько раз перечитал письмо, и на лице то и дело появлялись слёзы радости. Показалось, будто бы Максимка сейчас стоит рядом и говорит с ним, а ответить он ему не может. Хотелось больше узнать о быте сына, но совсем маленький размер бумаги, видимо, не давал Максиму написать больше, поэтому он рассказал лишь то, что для него было важным.

Не теряя ни минуты, Сергей достал из стола кусок бумаги, маленький карандаш и принялся писать ответ. Набросав первое письмо, он перечитал его, разорвал на части, бросил на пол и приступил к новому. После череды скомканных и порванных писем он наконец написал достойный, как ему показалось, ответ. В нем он сообщал, что жуть как им гордится и желает, чтобы тот как можно скорее вернулся в родной дом. Он умоляет его быть осторожным и не лезть на рожон. Просит слушаться своих командиров. И, разумеется, благодарит за чудесный подарок.

Закончив перечитывать собственное письмо, Сергей сложил его треугольником и было подумал не идти на промысел в этом году. Ему хотелось дожидаться ответа от Максима, но здравый смысл взял верх. Без промысла ему долго не протянуть, поскольку только это он и умел. Охота для него – жизнь и хлеб насущный. Да и лес с его вечным спокойствием заманивал, как рыбацкая сеть. Для себя он решил, что будет раз в месяц возвращаться в деревню, чтобы получить заветный ответ. И плевать на долгую и тяжелую дорогу!

6

Вася, как и обещал, зашел вечером с мешком махорки. Узнав от Сергея, что письмо пришло от Максимки, он тут же принялся уговаривать опрокинуть рюмашку-другую. Не понаслышке зная, как рюмашка превращается в целую бутылку, Сергей отказался. Он сослался на то, что завтра задумал встать с первым утренним лучом, чтобы добраться до охотничьей хибарки затемно. Вася не сдавался, предложив в который раз за день выпить за добрый в этом году промысел, но снова получил отказ. В конце концов сошлись на том, чтобы выкурить по

цигарке на крыльце да поболтать. Именно тогда Сергей передал ему ответное письмо Максиму и велел отправить при первой же возможности. Вася клятвенно пообещал, что исполнит просьбу.

На следующее утро Сергея разбудил крик петуха. Не задерживаясь ни секунды, он встал с кровати, надел на себя тулуп с валенками, взял под руки сани, еще вечером загруженные под завязку всяческим скарбом, и вместе с Борькой направился в сторону леса. Не забыл он взять и книжку, подаренную Максимом, положив ее вовнутрь тулупа.

За ночь снег еще плотнее окутал деревню. Двери некоторых хижин и вовсе замело, создав еще больше хлопот хозяевам. С каждым днем догадки Сергея о том, что осень в этом году будет суровой, лишь подтверждались. Промысел обещает быть не из легких.

Село только начало просыпаться. В окнах еще не было видно привычной для этого времени суеты. Сергей был первым, кто вышел так рано на улицу и застал ее в непривычной тишине.

Поднявшись на холм, он остановился на минуту, чтобы отдохнуть и подготовиться к тяжелому походу. Борька послушно сел рядом, виляя хвостом и вороша снег, как веник пыль. Иногда Сергей завидовал резвости пса. Порой тот напоминал ему его самого: когда мышцы были сильные, кости не хрустели и не было нужды отдыхать после подъема на холм. Каким же сильным он был тогда! Точь-в-точь как Максимка сейчас.

Вспомнив о сыне, Сергей коснулся кармана тулупа, куда он положил полученное вчера письмо. Ему захотелось еще раз перечитать его, но сдержался, чтобы лишний раз не снимать варежки и не морозить руки. Для себя он решил, что перечитает его сразу, как только доберется до места.

– Ну чего, Борька, – сказал Сергей. – Потопали.

Пройдя половину пути, он вспомнил, что из-за письма совсем позабыл зайти к Генке.

7

К вечеру, когда еще солнце было в зените, Сергей добрался до хибарки.

Опасения его подтвердились. Хлипкая дверца оказалась почти полностью скрыта под снегом, поэтому вместо желанного отдыха он принялся разгребать завал, на что потратил почти час, и только после этого разгрузил принесенную провизию в закрытый лабаз на дереве.

Когда он зашел внутрь, то сразу же бросил взгляд на лежанку. Сделанная из старых тряпок и одежды, она хоть и смотрелась ужасно, но прямо сейчас выглядела самой удобной на свете. Но Сергей был из тех людей, кто не позволял себе отдыхать, пока все дела не будут сделаны. Из последних сил он разложил содержимое саней, которые волочил весь день, в небольшой погреб. В основном это были сухари, солонина да крупы. Досталось ему также и небольшая коробка консервированной свиной тушенки, которую он поменял на три шкуры куницы еще полгода назад – эту вкуснятину он приберег для особых случаев.

Расправившись со всеми делами, Сергей наконец-то позволил себе лечь и облегченно выдохнуть. Из тулупа он вытащил письмо Максимки, начал перечитывать и, не добравшись даже до середины, уснул крепким сном.

Ему снился Максимка. Одетый в красноармейскую форму, он стоит к нему спиной среди бесконечного поля, усеянного высокой травой и терновником, и машет рукой, то ли прощаясь с кем-то, то ли приветствуя. Сергей, пробираясь через колючие кустарники, окликает его. То и дело он задевает ветви, оставляющие паутинки царапин на его руках. Каждый шаг дается ему все сложнее и сложнее, и чудится будто под ногами сыпучие пески, а не твердая почва.

С неимоверным усилием добирается он до Максима, который по-прежнему стоит к нему спиной и не слышит умоляющих криков отца. Фигура высокого юноши загораживает яркое

солнце, и Сергей, сидя на четвереньках в его тени, с трудом встает на ноги. Дрожащей рукой он касается плеча сына и пытается повернуть его лицом к себе, но...

Его лицо исчезло. Вместе голубых глаз с пушистыми ресницами, короткого с горбинкой носа и тонких губ лодочками – белое пятно. Словно художник, предварительно нарисовав портрет, стер все до белизны.

– Сережа, больно мне... – слышит он голос сына позади.

Сергей оборачивается и в ужасе кричит. Он видит Максимку, его лицо перепачкано кровью, без единого чистого островка кожи. Светлые волосы почернели от грязи, глаза, наполненные отчаянием, бегают туда-сюда.

– Больно мне, браток... – повторяет Максим и кивает в сторону своего живота. Там, в ладонях, он держит сплетение собственных кишок, выползающих из живота, точно черви из-под земли после дождя.

Издалека раздается собачий лай. Сергей замечает, что теперь он стоит не в поле. Вокруг него сырая грязь, а в ней сотни мертвых солдат. Держась за свои раны, они взывают в черно-оранжевое небо, кто на немецком, кто на русском, и зовут матерей.

Голоса сплетаются воедино. Их боль вонзается в уши Сергея, скрипя и завывая. Кажется, что этому кошмару не будет конца...

Но наступившее утро спасает его от кошмара. Умирующие крики солдат превратились в лай Борьки. Проснувшийся в испарине Сергей первым делом потянулся к ружью по старой привычке, но, как только пальцы ощутили холодный ствол, он понял, что увиденное им было лишь очередным кошмаром, преследующим его уже много лет.

В такие моменты Сергей был рад утреннему лаю Борьки.

8

Каждое день Сергей начинал с проверки кулёмок, расставленных в радиусе пяти километров от его хибарки. Это нехитрое приспособление было отличной ловушкой для куниц. Строилось оно при помощи двух жердей, между которых враспор устанавливался небольшой чело́к с приманкой. Зверек, как правило, заинтересовавшись содержимым приманки, дергал за чело́к, после чего его придавливало верхней жердью, где он умирал быстро и безболезненно.

Всего таких кулёмок Сергей расставил около десяти штук. В одну хотя бы раз в день, да попадал заветный зверек. Окоченевшую за ночь тушку, свернутую рога́ликом, он клал в мешок и двигался дальше по привычному маршруту.

Бывало и так, что Борька, почуяв запах живого зверька, звонким лаем давал об этом знать. Обычно в такие секунды Сергей предпочитал быть начеку – неизвестно, какой именно зверь мог показаться из-за сугробов.

Порой, тяжело ему давались вылазки на долгие три месяца в леса. Чего греха таить, скучал он по людской болтовне, по физиономиям мужиков, с которыми выпивал, по суете этой деревенской. Однажды даже задумался бросить это ремесло и заняться чем-то другим, но понимал, что руки не могли держать ничего, кроме ружья. Мозги у него были закалены охотой и отказывались думать по-иному. Как-никак потомственный он охотник-промысловик. Да и та самая таинственная, притягательная сила постоянно заманивала его в одинокую хибарку посреди леса. Все же, любил он свое дело всем сердцем. А когда с сыном ходил на промысел, так и вовсе для него это были самые лучшие мгновения в жизни.

Вот и сейчас не хватало ему рядом Максимки. Показать ему, как кулёмки ставить, по каким тропкам ходить, чтобы куницу лучше всего ловить. То, что сыну не нравилась охота, он понял еще после первой серьезной вылазки, когда тому было тринадцать. От него так и разило неприятием этого дела, но Сергей предпочел этого не заметить, веря, что он свыкнется. Но шли

года, а потуги Максимки перед очередным промыслом виделись все лучше, пока не пришла война. Вот тут-то он и обрадовался, что наконец сможет заняться настоящим, полезным делом.

Дошел он до очередной кулёмки, где поджидала его пойманная дичь. Черно-рыжая шкурка куницы, угодившей в ловушку, была совсем целехонькая и гладкая на ощупь. Сам же зверек замерз так, что, ударив им по голове, можно было бы серьезно ранить или вообще убить. Он сменил приманку и осторожно закрепил ее у челока. Положил тушку зверька в мешок и зашагал дальше по маршруту.

Вечером, после обхода, Сергей взялся за чтение Лермонтова. Каждое стихотворение он читал вслух, пытаясь уловить суть или просто еще раз насладиться благозвучием удачно сложенных друг с другом слов и предложений. Творчество Михаила Юрьевича определённо скрасило одинокие вечера охотника, и, чтобы растянуть удовольствие, он решил не читать тонкую книжку быстро и предпочёл смаковать каждую страничку. Одна только мысль была у старого охотника в голове, когда он заканчивал читать очередное творение поэта:

Как у него это получалось?

9

Минуло два дня промысла.

Холода усиливались, делая снег под валенками все скрипучее. Пар изо рта был настолько густым, что частенько закрывал обзор перед собой. И это в середине октября! Но для Сергея это не было помехой. В сущности, он даже любил, когда зима приходила раньше положенного: было приятно ощущать морозное покалывание на щеках и носить белые ниточки инея на бороде. Природа в эту пору засыпала, как и ее обитатели, готовясь к очередному лету. Но были и такие звери, что продолжали свою жизнь даже среди бескрайних полей снега. Один из таких под взволнованный лай Борьки появился рядом с хибарой в то мгновение, когда Сергей колот дрова. Дело было днем.

За небольшим снежным холмом под веткой ели стоял волк. Его желтые глаза спокойно, даже как-то умиротворенно смотрели на охотника. Белая шерсть на двух передних лапах напоминала пару носков. Подранное ухо волка и желтые клыки давали подсказку, что зверь был уже не молодым. Он не шевелился, видать знал, что любое резкое движение может привести к скорой гибели. Борька громким лаем как будто подстёгивал Сергея зайти в хибару за ружьем, чтобы покончить с разбойником. Охотник так и собирался сделать, но волк, почуяв неладное, развернулся и исчез лесу.

До самого вечера не давала ему покоя эта встреча. Во-первых, зверь может мешать промыслу или чего хуже – позвать сюда соплеменников, и расхлёбывать потом здесь с ними. А во-вторых... Было в этом волке нечто жалкое и одинокое. Не верилось, что он мог позвать соратников, поскольку и не было у него никого. Зверь напомнил ему его самого: такой же дряхлый, старый, блуждает совсем один каждую зиму от кулёмки до кулёмки, как бродяга с места на место. И вроде бы любишь это дело, и нужное оно для выживания – ничему же больше и не обучен, – но тоска изнутри съедает, как червь яблоко.

Через пару дней волк позабылся, особенно когда к нему пожаловал новый гость, но на этот раз не обитатель леса. Тогда он возвращался с очередного обхода, не унеся с собой ни одной тушки заветной куницы вот уже третий день подряд. Звери словно прознали о ловушках и предпочли убраться подальше. Размышляя о том, где бы поставить новые ловушки, Сергей обнаружил возле хибары неожиданного гостя. Борька сразу бросился к Ваське, приветствуя того дружеским лаем. Старый его товарищ был одет в серое пальто с мокрыми пятнами – наверное, пару раз плюхнулся в снег. Ушанка лежала рядом, на пеньке для колки дров.

– Василий? – встретить товарища так далеко от деревни было для Сергея удивительным делом. – А ты как тут оказался?

– Серега! Пришел наконец. А я тебя уже час жду, если не больше. Замерз, зараза! Охотник уловил в его голосе тревогу, которой никогда прежде не слышал.

– Случилось чего? – Сергей стоял поодаль от незваного гостя, по-прежнему думая, что тот ему чудится.

Рот старика на секунду открылся, но слова словно комом застряли в горле.

– Ладно, – сказал Сергей. – Пойдем внутрь, там расскажешь.

10

Сергей сварил зеленый чай, теплый запах которого окутал всю хибарку. Казалось, что одного этого аромата хватит, чтобы окончательно согреться.

– Ты как же реку переплыл? – спросил Сергей, разливая светло-оранжевый напиток в алюминиевые кружки на столе. – Лодка-то на моей стороне осталась.

– Обошел ее с юга, вброд, – спокойно ответил Василий.

Кружка в руке Сергея замерла, так и не дойдя до его губ.

– То есть как это, вброд? Там же километров тридцать пути, сутки почитай лишние топтать.

– Ну да, так и получилось, — ответил Василий, по-прежнему не притронувшись к чаю.

Медленно Сергей сел напротив и внимательно посмотрел на него, пытаясь догадаться, что именно его привело сюда. Видимо, у того была действительно веская причина идти в такую даль почти двое суток.

– Говори, – сухо произнес Сергей, смотря прямо в лицо гостя.

Старик поелозил на стуле, будто сидел на горохе. Он всячески старался избежать взгляда Сергея и, в конце концов, не выдержав невидимого давления, рукой залез во внутренний карман пальто.

– Я... – Голос Василия дрожал. – Прости, Сереж.

Он вытащил желтый, измятый лист бумаги и протянул Сергею. Прежде чем взять листок, охотник долго смотрел на него, с надеждой, что это не то, о чем он думает. Но странное поведение Василия и его трудный путь до этого места только укрепляли предположение о том, что таилось на кусочке желтой бумаги.

Медленно, как бы намеренно оттягивая роковой миг, он развернул бумажку, и через секунду его худшее опасение подтвердилось.

Это была похоронка. Извещение о гибели сына.

Строго, без излишней информации в нем были указаны: Ф. И. О., место и дата гибели, а в уголке письма штамп начальника части. И все, ничего больше.

– Пришло почти сразу, как ты ушел, – шепотом произнес Василий. – Я подумал, что тебе стоит узнать, ведь ты еще не скоро бы вернулся в деревню.

Сергей словно окаменел. Глаза его бегали по судьбоносным строчкам на маленьком клочке бумаги. Его дыхание участилось. Казалось, охотника прямо сейчас разорвет на части.

– Сергей, я...

– Там Борька, наверное, проголодался, покормить бы его надо, – не отрывая глаз от похоронки, холодно произнес Сергей. – Вон в той кастрюле. Сходи, будь добр.

Гость не сразу, но понял, к чему эта странная просьба. Кивнув, он подошел к еле теплой кастрюле, снял ее с огня и вышел из хибарки, оставив Сергея наедине с самим собой.

Сначала Сергей старался стерпеть, но все же не получилось. Наполненные горечью слезы потекли по паутинкам морщин, и он горько зарыдал. Горло сжала невидимая хватка, дышать стало невыносимо. Последний раз он так плакал, когда узнал о смерти супруги много лет назад.

Он спрятал лицо в руках, крепко сжал редкие, седые волосы и вспомнил тот день, когда не смог удержать Максимку от его безумного желания. Охотник ругал себя за то, что не был

настойчивее в тот день. Если бы он мог тогда крепко сжать его и не выпускать, пока грузовик не уедет. Прижать к себе как маленького мальчонку и не отдавать на эту бойню! Если бы он не толкнул его тогда, лишь серьезнее настроив на побег из дома. Если бы...

Если бы...

11

Прошел почти час, прежде чем Сергей пришел в себя.

В это время Василий сидел на пенке, дымя папироской. Судя по количеству окурков под его ногами – не первую. Борька присел в конуре рядом с ним, положив морду на землю. Уши пса наострились сразу, как только он заметил хозяина, выходящего из хибары. Черные глаза выжидающе смотрели на белое, как лежащий всюду снег, лицо хозяина.

Василий откинул в сторону почти целую папироску и поднялся с пенки. Он было сделал шаг к Сергею, но тот жестом остановил его, промямлил про себя что-то неразборчивое и сел на соседний пенек.

В воздухе повисла тишина. Пустые глаза Сергея смотрели в сторону лабаза, закрепленного между двух стволов деревьев на высоте трех метров от земли. В этом маленьком сарайчике он хранил запасы продовольствия, уготованные на зиму. В отличие от хибарки, лабаз выглядел более опрятным. Оно и немудрено, поскольку в прошлом году он построил его вместе с Максимкой.

Сергей вглядывался в каждую дощечку, в каждый забитый Максимкой гвоздь. Перед глазами возник тот день, когда по лесу разносились громкие удары молотка и скрип досок, распугивающий всю живность в округе. Теперь это казалось чем-то невероятно далеким и потерянным, как дивный сон, приснившийся однажды и запомнившийся на всю жизнь.

Сердце требовало слёз, но он больше не мог из себя выдавить ни капли.

– Спасибо, что пришел, – сказал Сергей с хрипотцой. С трудом он оторвал взгляд от лабаза и посмотрел на товарища.

– Да как тут не приди, в самом-то деле...

Василий предложил ему сигарку и помог ее зажечь. Дрожащие руки охотника, казалось, в любую секунду могли уронить самокрутку. Затягивался Сергей сильно, точно мальчишка, который первый раз пробует вкус табака.

Они сидели, вслушиваясь в тишину зимнего леса.

– Да, пока не забыл, – Василий, не вынимая из зубов папироску, потянулся к мешку и вытащил оттуда сверток белой ткани. Внутри него оказались золотистого цвета пирожки с румяной корочкой. – С малиновым вареньем, Галка моя испекла. Просила передать тебе, а то ты здесь окромя мяса и крупы не жрешь ничего. Вот разбавишь хоть.

– Спасибо, – еле слышно произнес Сергей, даже не посмотрев на пирожки. Он напоминал лунатика, который поднялся с кровати и прибывает между сном и реальностью.

Василий почувствовал растерянность и положил сверток на пенек. Черный нос Борьки тут же поднялся по ветру, уловив запах выпечки.

– Хорошо у тебя здесь, – сказал Василий, пытаясь хоть как-то разрушить напряженное молчание. – Спокойненько, от жены бы целых три месяца раз в году отдыхал, хе-хе. Все уши мне уже...

– Ты оставайся сегодня, – перебил товарища Сергей. – Заночуешь, а я тебя завтра утром доведу до реки, переправлю, чтобы ты сутки лишние не шел.

Василий развернулся к Сергею.

– Может, это, Сереж, ну его к лешему, промысел этот? Пошли в деревню, поживешь на наших харчах пока, а потом и вернешься?

– Нет, – тихо, но уверенно произнес охотник. – Через неделю река замёрзнет, уже не переплывешь. Вброд идти, как ты, – плохая затея, начнется вихрь, и поминай как звали. Тут совсем скоро такой мороз будет... Хорошо, что ты вышел сейчас, а не позже, иначе бы...

Сергей недоговорил, дав Василию самому представить, что за участь ждала бы его.

– Как знаешь, – ответил он.

Посидели в тишине еще немного, пока Василий не достал из кармана еще один клочок бумаги и не протянул его Сергею.

– Вот, – сказал он. – Я, сам понимаешь, не отправил...

Клочком бумаги оказалось ответное письмо Максиму, написанное Сергеем перед выходом на промысел. Взял он его, почти смял в ладони, но все же сдержался и положил в карман.

За весь оставшийся вечер они больше не обмолвились ни словом.

12

На следующее утро встали спозаранку, перекусили и отправились в дорогу.

По пути Сергей молчал, глубоко погрузившись в себя. Со стороны он выглядел так, словно не управлял собственным телом. Под водянистыми глазами охотника образовались большие мешки – он так и не смог уснуть ночью. Все его мысли были о сыне и о последней встрече с ним. Уже тогда он предполагал, что, возможно, больше его не увидит, но старался отводить эти мысли. И все же надеялся, что смерть найдет кого угодно, но только не его сына. Нет, нет... Он выберется, ему удастся преодолеть этот ужас и вернуться домой в целости и сохранности. Умрёт кто угодно, но только не его Максимка...

Сергей не заметил, как прошли они половину пути и оказались возле речушки. Он даже шарахнулся от испуга, когда Василий коснулся его плеча – настолько старый охотник выпал из настоящего мира. Вместе с Борькой уселись в лодку и все в том же безмолвии через полчаса оказались возле огромного булыжника, от которого шла тропа в сторону деревни.

– Вот и добрались... – выдохнул Василий, выгружая из лодки свой скarb. – Ты уверен, Серёг? – продолжил он, серьезно посмотрев на охотника. – Может, все-таки в деревню, пока не поздно, а?

Сергей покачал головой.

– Ну, как знаешь, – выдохнул Василий и протянул руку. – Доброго промысла тебе.

Охотник вяло пожал руку товарища и тихо произнес:

– Спасибо.

Не сказав больше ни слова, Сергей залез в лодку, где его ждал Борька. Пёс, будто переняв состояние хозяина, тоже выглядел опечаленным. Его морда лежала на краю лодки, а ноздри лениво улавливали окружающие запахи.

Пройдя несколько шагов, Василий остановился и крикнул спустившему на воду лодку Сергею:

– Серега, береги себя, слышишь? Я знаю, как он был тебе дорог, но, Христа ради, не делай глупостей! – Он, наверное, весь день набирался духу, чтобы произнести эти слова.

Охотник ничего не ответил, взялся за весла и начал грести. На мгновение плеск воды показался ему чарующим и успокаивающим. И как он раньше не замечал этого прекрасного звука?! Но затем мысли вновь вернулись к сыну, и он не расстался с ними до самого возвращения в хибарку поздним вечером. В глаза ему тут же бросилось упавшее деревце, поломавшее и без того прохудившуюся конуру. Но ему было плевать. Упало оно хоть на хибару, он и пальцем бы не пошевелил. Теперь все это казалось таким несущественным, таким бесполезным...

Впервые за долгое время он нарушил строгое правило и пустил Борьку в хибару. Пёс, прежде чем переступить порог, долго стоял на задних лапах и всматривался в тамошнее убран-

ство, точно ища в подобном жесте хозяина подоплёку. Когда же он зашел, то осторожно, как вежливый гость, сел в углу и принялся изучать обстановку, обнюхивая каждый угол.

Сергей в это время залез в погреб и вскоре показался оттуда с бутылкой водки, одной из многих, заготовленных на время промысла. Он жадно пил из горла в надежде, что с каждым глотком мысли о сыне улетучатся. Но те всосались в мозг, подобно клещу.

Вскоре, когда солнце скрылось за горизонтом, он отбросил бутылку в сторону, разбив ее вдребезги, и, замычав от внезапно подступившего чувства горечи, упал на пол и зарыдал. Борька тут же поспешил утешить хозяина, облизывая его щеку большим, шершавым языком и протяжно поскуливая. Пёс делал это так усердно и любя, что Сергей не выдержал и крепко сжал пса в объятиях.

– Сынок, Максимка... Господи, за что ты так со мной? Господи, за что?! – захлебываясь, говорил он прямо в серо-белый загривок пса. – Максимка, мой Максимка...

Еще долго охотник держал в объятиях своего верного пса, пытаясь хоть на секунду избавиться от режущей боли в груди.

Но боль не отступила до тех пор, пока тело его не обмякло и он, почувствовав невероятную усталость, не рухнул прямо на пол, погрузившись в долгий и крепкий сон.

13

Все последующие дни Сергей блуждал по лесу как призрак. Проверая одну ловушку за другой, он с недоумением обнаруживал, что с каждым днем дичь попадалась в нее все реже. Он не мог найти объяснения этому странному явлению, разве что зверьки поумнели и прознали об устройстве ловушки, что уже звучало как нелепица. Но факт оставался фактом – куницы не было. Даже Борька, постоянно улавливающий запах дичи, будто потерял собачье обоняние.

Сергею казалось, что сам Бог подговорил своё творение – природу, и та устроила козни против него. У Господа словно созрел зловещий умысел – добить старого охотника окончательно, чтобы он никогда не знал спокойствия.

Впервые за свою жизнь он почувствовал ненависть ко всему вокруг. Он не мог смотреть на ослепляющие искорки снега. Проклятые деревья, окружающие его со всех сторон, вызвали головокружение. Злоба бурлила в нем, подобно закипающему чайнику, оставленному без присмотра. Всеми силами он старался сохранять свойственное его ремеслу хладнокровие, выработанное за долгие годы в лесу, но с каждым днем делать это становилось все труднее.

Мороз за прошедшие дни раззадорился пуще прежнего. Сильнее он вонзался в щеки невидимыми иглами, заставляя кожу неметь. Да и ветер давал о себе знать: каждый вечер он свистел за пределами хибарки все громче, разнося крупички снега по всему лесу.

Недолго думая, Сергей принял решение разместить новые кулёмки чуть севернее прежнего участка. Все не мог он взять в толк, почему звери перестали попадаться в ловушки, но и разбираться в этом не было ни сил, ни времени. Он привык действовать, а не предаваться излишним думам, поскольку каждый день был на счету. Если он не добудет необходимое количество шкурок к концу промысла – он пропал. Жизнь Сергея зависела от них точно так же, как жизнь рыбака от улова.

Собрав подходящие жерди, веревку и самодельную приманку, он, повесив на плечо ружье, отправился в дорогу. Пройдя несколько верст, добрался до небольшого озера и вместе с Борькой на берегу устроил небольшой привал. Озеро показалось ему знакомым, он был когда-то здесь, но не мог вспомнить, когда именно.

Кулёмки он расположил неподалеку друг от друга. У него ушло почти четыре часа на то, чтобы найти подходящие места и соорудить ловушки. Раньше он мог бы справиться намного быстрее – сооружать кулёмки для него было плёвым делом, но теперь, в нынешнем его состоянии...

Он вернулся в хибарку еще засветло. Зайдя внутрь, бросил взгляд на треснутое зеркало и заметил, как еще сильнее состарился за прошедшие дни: волосы по цвету были неотличимы от снега; морщины словно траншеи, стали еще глубже; водянистые глаза не выражали ничего, кроме тоски. Горе будто ускорило время и заставило тело охотника постареть еще сильнее.

В глаза бросилась книжка Лермонтова, которую он так и не открыл с тех самых пор, как к нему пришел Василий. Взяв ее, он сел на лежанку и, дабы отвлечься от изъедающего душу горя, открыл на случайной странице, где обнаружил нечто интересное. Возле одного из стихов он увидел пометку карандашом, в которой безошибочно узнал почерк Максима. Пометка эта гласила следующее: «Папа, рад, что ты добрался до этой страницы. Этот стих мне особенно понравился».

Два крохотных предложения оживили его сына на несколько секунд. Сергей отчетливо услышал, как Максим с ним заговорил, и глаза невольно наполнились слезами.

Перечитав заметку сына несколько раз, он приступил к чтению стихотворения под названием «Одиночество»:

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье – все готовы:
Никто не хочет грусть делить.

Один я здесь, как царь воздушный,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как судьбе послушно,
Года уходят, будто сны;

И вновь приходят, с позлащенной,
Но той же старою мечтой,
И вижу гроб уединенный,
Он ждёт; что ж медлить над землей?

Никто о том не покрушится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моём.

На Сергея эти шестнадцать строк произвели неизгладимое впечатление. Он точно сам написал их в 1830 году (дата была указана в правом углу страницы под стихотворением), настолько они были близки его нынешнему состоянию. Каждая строчка и каждое слово подобно кинжалу резали по сердцу, делая еще хуже.

Но тем не менее он перечитывал эти шестнадцать строк снова и снова. Ему показалось, что прямо сейчас в хибарку зайдет Максим и они вместе обсудят этот стих, и все другие стихи, с которыми Сергей успел ознакомиться. Охотник перечитывал до тех пор, пока буквы не начали расплываться, а глаза не защипало от усталости.

Он так и уснул с открытой книгой на груди.

Утро следующего дня, как и всегда, началось с Борькиного лая.

Сергей позавтракал, накормил пса, и вместе они двинулись в путь. Из-за того, что кулёмки теперь были расставлены в другой местности, пришлось идти дольше на целых полтора часа.

Погода выдалась славной. В небе не было ни облачка. Прежде жгучий мороз сжалился и, по крайней мере сегодня, решил не пользоваться своими ледяными зубами. Сергей счел это за хороший знак.

В первой ловушке ничего не оказалось. Две жерди, напоминающие хищную пасть на языке-палке, на которой лежала приманка, никак не изменились с тех пор, как он поставил их. Он проверил ловушку и, убедившись, что она в случае чего сработает, двинулся дальше. Оставалось еще три таких же. Но у следующей его ждала та же самая картина, что и с предыдущими. Это приводило его в недоумение, постепенно начинавшее перерастать в гнев.

Вскоре он добрался и до последней кулёмки, но и в ней тоже оказалось пусто.

– Сука! Тварь!

Сергей не выдержал. Руками он схватил одну из жердей – основание ловушки – и принялся колотить ею по соседнему дереву, сопровождая всплеск ярости отборным матом. Он бил до тех пор, пока жердь не сломалась пополам, после чего принялся за вторую.

В эти секунды Борька взволнованно поскуливал и бродил из стороны в сторону, не находя себе места. Пес попытался приблизиться к хозяину, но, после глухих ударов о дерево жердью, отступал, опасаясь попасть под горячую руку разбушевавшегося хозяина.

Когда все сооружение было уничтожено, обессиленный старик рухнул в сугроб и спрятал лицо в руках. Его тело дрожало, но не от холода – с ним они были давними друзьями. Тело его содрогалось от гнева и горя. Он чувствовал себя самым одиноким человеком на всем белом свете. Жалкий старик, у которого ничего и никого не осталось. Даже ремесло, которому он посветил всю жизнь, словно воплотилось в некое живое существо и отвернулось от него, бросив на произвол судьбы. Ему все это осточертело.

Рука сама потянулась к оружейному ремню.

Борька заскулил пуще прежнего. Он уловил, что именно замыслил хозяин, но пока еще собачий мозг не успел понять этого до конца.

Медленно Сергей развернул ружье к лицу. Идеально круглые глаза дула с безразличием уставились на него, ожидая вердикта

Сергей засунул их в рот, ощутил на языке привкус пороха. Зубы застучали о холодный ствол ружья. Сердце заколотилось в бешеном ритме. Большой палец медленно сгибался на курке.

Борька встревоженно начал лизать хозяину щеки, отговаривая его от задуманного. Черный нос вырисовывал мокрые дорожки на грубой щетине, где они смешивались с редкими слезами – последними, которые старый охотник смог выжать из себя за все эти тяжелые дни.

Звонящая тишина вокруг будто стала еще громче. Перед глазами появился Максим – еще совсем мальчишка, он улыбается ему и машет рукой, зовя куда-то за собой.

Палец охотника коснулся курка, сжался, и...

Услышанный им вначале шум он принял за галлюцинацию, но когда Борька отскочил, встал на дыбы и зарычал на что-то позади, он понял, что это не так. Медленно он повернул голову и увидел в небе истребитель. Из хвоста валили клубы черного, едкого дыма. Двигатель как-то подозрительно шумел. Его тень проскользнула над головой охотника, заставив упасть в сугроб. Тут же он вскочил на ноги и не отрываясь наблюдал, как самолет, издавая звуки, напоминающие кашель, пролетел еще пару километров, после чего тихо рухнул в лесной роще.

Почти минуту Сергей стоял в оцепенении, пытаясь понять, не очередной ли это кошмар. И лишь возбужденный лай Борьки в сторону черного дыма, валящего с места крушения, заставил старого охотника прийти в себя.

– За мной, Борька! За мной!

В воздухе висел запах гари. Он был совсем рядом.

Впервые за долгое время Сергей ощутил острое чувство любопытства. Упавший истребитель в этой глуши был для него как пришелец из иного мира, вторгшийся в привычный уклад жизни. В какой-то степени он даже был счастлив, что это произошло – рутина была нарушена, и теперь он не чувствовал себя, как стрелки на часах, повторяющие одинаковый путь изо дня в день.

Борька бежал следом, язык его болтался, точно осенний лист на ветру. Казалось, что пёс не меньше хозяина хотел как можно скорее добраться до места крушения.

Сергей замер, как будто окаменел. Волоски на его руках вздыбились, и он насторожился, со стороны напоминая зверя, учуявшего дичь. Охотничье чутье предупредило его о возможной опасности. Как и всегда, Сергей доверился ему и не прогадал...

Используя деревья в качестве укрытия, он осторожно подкрался к месту крушения. Уши его уловили нерусскую речь. Вначале показалось, что говорят на финском, как-никак граница была совсем рядом. Но спустя несколько секунд он безошибочно узнал язык, который еще двадцать с лишним лет назад слышал много и много раз на полях сражений...

Это были немцы.

Аккуратно выглядывая из укрытия и прижимая морду Борьки, чтобы тот ненароком не залаял, Сергей заметил одного человека: невысокий, одетый в белый комбинезон с укорочёнными штанинами, он пытался помочь своему напарнику, находившемуся во второй кабине пилота, выбраться из искорёженного истребителя. Немец тянул за руку товарища, как дед репку в известной народной сказке, но тот по-прежнему оставался на месте, словно прикованный. Охотник предположил, что от столкновения истребителя с землей и без того тесное место в кабине сделалось еще теснее, зажав ноги летчика словно в тисках. А вот его другу, основному пилоту, повезло чуть больше, он хотя бы мог ходить.

Самому же самолету было больше не суждено подняться в небо. Одно из крыльев оторвалось и покоилось в паре метров от самой машины. Носовая часть погребена под сугробом, из-под которого виднелся конец винта, а из мотора валили клубы черного дыма. Именно дым давал подсказку о том, что причиной крушения могла стать неполадка в двигателе.

Все эти размышления заставили Сергея отвлечься и ослабить руку, которой он прижимал пса, что стало большой ошибкой. Пёс гавкнул, заставив немца в белом комбинезоне тут же развернуться в их сторону. Охотник понял, что его заметили, и решил действовать незамедлительно...

Немец рванул к фюзеляжу, на котором лежал автомат (и как только он сразу его не заметил!), и почти коснулся его рукоятки, как вдруг...

...грохот ружья пронзил лесную тишину.

Неприятель завопил от боли. Множество мелких дробинок вонзились в его правую ногу. Меткий выстрел дался Сергею проще простого – годы практики не прошли даром.

Немец тут же упал в сугроб и пополз под уцелевшее крыло самолета, чтобы спрятаться. Но Борька поспешил это пресечь. Зная, что после грохота ружья хозяина подстреленная дичь должна быть в его зубах, пёс бросился к крылу самолета и через несколько секунд сомкнул пасть на руке фашиста.

– Фу, Борька! Фу! – приказал охотник, и собака тут же отступила, приблизившись к хозяину.

Сергей, не опуская ружья, осторожно подходил к укрытию немца. Война, закончившаяся более двадцати лет назад, научила его одному из важных правил – всегда быть бдительным и

оставаться начеку, даже если враг якобы побежден. Именно это наставление не раз спасало его жизнь в ужасных окопах, и, возможно, только благодаря ему он до сих пор ходит и дышит.

Он покосился на второго лётчика, придавленного в кабине. Тот не подавал признаков жизни и, судя по синякам и обилию крови на лице, был без сознания или вовсе мертв.

Учащенное дыхание раненого Сергеем немца слышалось очень громко. Он полз, отталкиваясь локтями, оставляя после себя красную дорожку крови, и почти залез под крыло, пока Сергей не остановил его, наступив тому на раненую ногу. Но он не закричал. Немец стиснул зубы и замычал, намеренно терпя боль. Он попытался ползти дальше, и тогда Сергей еще сильнее нажал валенком на окровавленную ногу. И немец не выдержал.

В лесу раздался душераздирающий крик. Борька залаял, словно прося хозяина остановить этот ужасный шум, но Сергей не обращал внимания на пса. С каждой секундой он надавливал ногой все сильнее. Мышцы его лица дрожали от гнева, как сведенные судорогой. Ему было приятно причинять боль немцу, а его вопли были музыкой для ушей. Славная и долгожданная мелодия, посвящённая отмщению за сына.

Вопли прекратились. Немец упал лицом в сугроб и замолк, потеряв сознание.

Сергей взялся за кожаный ремень и потянул тяжелое тело на себя. Тот не шевелился и не подавал признаков жизни. Сергей коснулся его плеча и повернул лицом к себе.

Господи...

Это был еще совсем мальчишка. Вначале ему почудилось лицо Максимки – уж очень был на него похож! Такие же волосы цвета сена, пухлые губы, небольшой юношеский пушок на подбородке. Ростом разве что намного меньше.

Сергей услышал тихое сопение немца. Стало быть, точно в отключке и может очнуться в любую секунду.

Охотник задумался, что делать дальше.

Первой его мыслью было как можно скорее добраться до ближайшего посёлка и сообщить о крушении. Но он тут же отбросил эту мысль, поскольку до ближайшего населенного пункта было верст сорок ходу. Даже если бы он выдвинулся прямо сейчас и шел быстрее обычного, что в такое время года было достаточно затруднительным, то добрался бы до туда только к завтрашнему утру. То бишь ночёвки не избежать, а ночевать в этих краях зимой среди леса равносильно самоубийству. Даже если он действительно решился бы на этот нелегкий поход, соорудил укрытие из жердей и ветвей ели, на постройку которого нужно потратить достаточно много сил, и заночевал бы там, надеясь проснуться на следующий день, оно того не стоило. Рисковать жизнью ради какого-то фашиста? Слишком опасно, слишком...

А точно ли опасно?

Он вспомнил, что еще двадцать минут назад держал у рта дуло ружья и почти спустил курок. Если бы не этот истребитель... Он бы сделал это, о да. Сделал бы.

Но Господь, видно, решил распорядиться его душой иначе.

Сергей продолжал думать, и следующей его мыслью была родная деревушка. До нее добраться куда проще, тем более при условии, что он заночует у себя в хибарке, но и здесь скрывалась загвоздка! Река, по которой он существенно сокращал путь, давно замерзла и превратилась в ледяной ковер. Добраться туда зимой можно было только в обход.

Получалось так, что оба его плана не сильно отличались друг от друга. Так или иначе, чтобы добраться до людей, ему пришлось бы ночевать в морозном лесу.

И тогда Сергей принял единственное, как ему показалось, правильное решение: он вернется в хибарку, поужинает, а на следующее утро, собрав необходимое, двинется в сторону своей деревни. Он возьмет спички, чтобы развести огромный костёр, согревающий все вокруг, оденет еще одну фуфайку, захватит сигарок и через два-три дня будет на месте.

Эта затея показалась ему самой что ни на есть подходящей.

А что же делать с ним? – подумал Сергей, смотря на немца.

А ничего, – тут же ответил он сам себе. – Пуццай поддыхает...

Сергей подошёл ко второму пилоту, зажатому в кабине. Губы немца посинели, подбородок касался груди. Из рта медленно текла кровь, капающая на молнию комбинезона. Охотник снял с головы немца кожаный шлем и заметил, что этот был чуть старше своего напарника. На висках виднелась седина, лицо было гладко выбритым. На воротнике была петлица красного цвета с серыми нашивками в виде крыльев. Что именно это было за звание, Сергей не знал, он не разбирался в нынешних немецких знаках различия.

Дотронувшись тыльной стороной ладони до шеи пилота, чтобы проверить пульс, Сергей убедился, что тот мертв.

Не обнаружив ничего более, охотник решил дольше не задерживаться. На всякий случай он крепко привязал немца-мальчишку к крылу самолета его же кожаным ремнём. Не забыл проверить и наличие у него ножа или еще чего-нибудь, способного перерезать путы. Ничего такого не было. Он прихватил МР-40, из которого его чуть не подстрелил этот гадёныш, и вместе с Борькой пошел прочь от места крушения.

Он знал, что с раной немец долго не протянет. Даже если бы он умудрился каким-то образом освободиться от пут и чудом перевязать себе рану, чтобы остановить кровь, – и это еще не говоря о нескольких десятках дробинки, которые необходимо извлечь, дабы не было заражения, – холод поглотил бы его, оставив замерзать где-нибудь неподалеку, поскольку с такой раной далеко не уйти.

Сергей знал, что эту ночь фриц не переживёт.

Ну и пускай.

16

Через пару часов он дошел до хибары, заварил крепкого чаю, поел горячей овсянки и даже поделился ею с Борькой. Пока не стемнело, наколот дров для предстоящей ночи. Всеми силами он старался делать вид, что этот день ничем не отличался от других...

Но это было не так.

Сергей даже не заметил, как закуривал третью папироску подряд. Наблюдая за уходящим солнцем, он чувствовал, что что-то забыл, но никак не мог вспомнить, что именно.

Мысли о треклятом немце не давали ему покоя. Его внутренности будто щекотали перьями, вызывая неприятные ощущения.

Подобное происходило у него, когда Максимка сел в тот злосчастный грузовик вместе с друзьями и навсегда исчез из его жизни. Перья и тогда щекотали в районе груди, заставляя сжиматься внутренности в огромный узел. И сейчас... Это ненавистное ощущение снова давало о себе знать, и сколько бы папирос он ни пытался выкурить, чувство это напрочь отказывалось покидать голову, застряв там, как мышь, угодившая в мышеловку.

Было принято решение применить более тяжелую артиллерию в борьбе с этим ощущением...

Он зашел в хибару, спустился в подвал, где стоял затхлый и сырой запах, и достал еще одну бутылку водки, запасную. Недолго думая, он начал открывать ее прямо там, в подвале.

Красная пробка с глухим звуком упала на пол.

Он потянул бутылку ко рту и почти поднёс к губам, но рука замерла. Глаза смотрели на горлышко, напомнившее ему дуло ружья. При мысли, что он хотел сегодня покончить с собой, голова закружилась, и он почти потерял равновесие.

Что же это творится?

Медленно, с осторожностью сапёра, он положил бутылку на табурет, закрыл ее и вылез из подвала.

Следующую минуту он стоял так, словно в землю врос. Голова была забита мыслями, и он пытался понять, что же ему делать. Мир вокруг, казалось, существовал отдельно.

Покурить, надо покурить...

Дрожащими руками он насыпал пахучего табака на листок бумаги и половину рассыпал на пол. Плюнув на это, скрутил ее в трубочку, но переусердствовал – самокрутка развалилась прямо в его руках. В ярости он отбросил в сторону ошметки табака и бумаги и принялся сворачивать новую. На этот раз сигарка удалась, и он тут же поспешил прикурить ее от огня буржуйки.

Выйдя на улицу, он сел на пенёк, рядом с конурой недоумевающего Борьки. Рыжий огонек на кончике сигарки ярко загорелся от длительной затяжки. Сергей курил быстро и решил, что, как только будет покончено с этой папироской, он сделает следующую и будет курить до тех пор, пока все проклятые мысли, роившиеся в голове как болотные мошки, не исчезнут.

Очередная затяжка далась ему с трудом, и, не выдержав, он закашлялся. Прислонившись к стене и по-прежнему не выпуская сигарку из пальцев, он пытался избавиться от неприятного ощущения в горле, не дававшего ему покоя уже несколько месяцев.

Борька зарычал. Оглянувшись в его сторону, Сергей заметил, как пес прижал уши, пригнулся к земле и, не отрываясь, смотрел в сторону леса. Охотник проследил за его взглядом и...

...увидел того самого волка. Зверь стоял в нескольких шагах от хибары и спокойно наблюдал. Шерсть на загривке была вздыблена, на кончике носа лежал комок снега. Рядом с пастью виднелась белая полоска шрама. Морда в сравнении с исхудалым телом выглядела огромной – животное больше вызывало чувство жалости, нежели страха, как и при первой их встречи.

Сергей зашел в хибарку, взял со стола кусок солонины и пошел в сторону волка. Борька, как будто зареуновал, залаял пуще прежнего. Сергею пришлось надавить ему ладонью на морду, чтобы тот не пугал гостя или ненароком не кинулся на него.

Волк непринуждённо посмотрел на Сергея, склонил морду вниз и направился в его сторону, оставляя за собой череду следов-точек от лап. Желтые глаза зверя остановились на Борьке, он замер.

– Боря, фу, – тихо произнес Сергей и сильнее надавил на морду пса. – Фу, тебе говорят!

Борька подчинился – сделал несколько шагов назад и спокойно сел, шевеля хвостом от переполняющего возбуждения.

Волк, убедившись, что путь безопасен, продолжил идти, не спуская глаз с охотника. Приближаясь к нему, он то отскакивал назад, ожидая нападения, то, все же решившись, шел вперёд, к столь желанному куску засоленного мяса. Морда его была опущена, словно он кланялся.

– Не бойся, старина, не бойся, бери...

В конце концов зверь и вовсе опустился на брюхо, продолжая чуть ли не ползти в сторону Сергея. Он не казался ему одним из тех жутких хищников, охотившихся стаями и убивавших все живое. Этот зверь наверняка был рожден вне стаи и всю жизнь, как привидение, бродит по этому лесу. Вот только для чего?

Для чего?

С чрезвычайной осторожностью зверь, открыв пасть, подхватил зубами кусок солонины и скрылся за сугробом. Охотник взглядом проводил зверя, убеждённый в том, что это не последняя их встреча.

Он так и не понял, что именно за чувство разъедало его внутри, но уяснил одно – от него необходимо избавиться, прямо сейчас! И ни водка, ни десятки выкуренных сигарок не позволят ему унять это ужасное ощущение.

Сергей взял в руки сани, прихватил пару стареньких одежек и вышел из хибары под лай пса. Борьке, крепко пристегнутому цепью к разваливающейся конуре, только и оставалось, что лаять вслед хозяину, бегущему вглубь леса.

17

Солнце, посылая последние лучи, почти скрылось за горизонтом.

Холод стал пробирать пуще прежнего. Сани Сергей давно спустил на снег, волоча за веревку. Дышать было трудно, в горле ощущался медный привкус, и лишь огонь от наспех сделанного им факела приятно согревал лицо.

Подох же, наверняка подох! – думал Сергей.

Но продолжал идти, сам не зная почему.

Он постарался сосредоточиться на дороге, к тому же это было сейчас очень необходимо. К новому маршруту, вдоль которого он расставил кулёмки, ноги еще не успели привыкнуть, а глаз не наметил ориентиров. Эх, если бы этот проклятый истребитель упал в местности, по которой он ходил прежде! Он с закрытыми глазами добрался бы дотуда. А здесь... Еще и тьма близится, а в ней хоть глаз выколи – ничего не сыскать.

Удача оказалась на его стороне. В метре от себя – он почти прошел мимо – охотник заметил сломанный кусок жерди, которую опознал как часть конструкции из разрушенной им ранее ловушки. Самой последней. Стало быть, он близко...

Оглядевшись, попытался вспомнить, в какую именно сторону упал самолёт. Как раз в эту секунду последний луч солнца блеснул между кронами деревьев. Нужно было действовать.

Сергей решил, что сейчас самое время дать волю прежде не подводившему его чутью. Оно заговорило с ним его же голосом и шепотом подсказывало: истребитель находится на северо-востоке.

Туда он и отправился.

18

В темноте немецкий истребитель напоминал невиданного зверя, лежащего среди снега и смирившегося со своей участью.

Уже издали Сергей заметил человеческую фигуру возле фюзеляжа. Тот еле заметно пошевелил рукой...

Охотник медленно зашагал вперед. Снег под валенками закрипел так громко, что Сергей с трудом слышал собственное дыхание. Медленно свет от его факела приближался к обломкам, пока теплое свечение не коснулось кончика армейского сапога, окровавленных штанов, белого комбинезона...

Жив...

Мальчишеское лицо немца покрыл иней, напоминая седую бороду. Ресницы превратились в белоснежные ниточки, глаза были испуганными. Укрывая тело правой свободной рукой (другая была привязана ремнём к крылу), он пытался спастись от холода, дрожа как лист на ветру. Немец с большим трудом поднял лицо в сторону огня, громко стуча зубами, а затем, махнув, опустил ее, словно увидел мираж.

Сергей воткнул факел в сугроб рядом и, не церемонясь, разорвал окровавленную штанину. Увидев, что было под ней, он почувствовал, как по спине прошелся холодок: ружейная дробь не пожалела ногу, вонзившись глубоко в плоть. В придачу к этому Сергей вспомнил, как и сам помог оказаться маленьким металлическим шарикам еще глубже в ноге, когда прижимал ее валенком.

Из-под пальто охотник вытащил прежде заготовленную старую рубашу. Разорвав ее на части, он крепко перевязал ею рану. Благодаря морозу немец потерял не так много крови, крохотный шанс выжить у него еще был.

Губы юнца еле заметно шевелились. Он бредил на своем родном языке, но что именно, было не разобрать. Познания Сергея в немецком ограничивались лишь несколькими словечками, запомнившимися еще по молодости на войне. Да и понимать речь не было никакого смысла – немец был в бреду, как и любой человек, стоящий одной ногой в могиле. А этот юный сторонник национал-социализма, видать, заносил вторую ногу...

При помощи ножа Сергей срезал ремень, на что ушло драгоценных пара минут, и положил ледяное тело немца на сани. Охотник заранее предусмотрел, что его живой груз будет без сознания и не сможет удерживать равновесие на санях, и для этого прихватил моток верёвки. Закрепив тело, он, закулив папироску, чтобы унять нервишки, взял верёвку и поволок сани по снегу.

Его не покидало ощущение, что он играет наперегонки со смертью.

19

Факел почти потух, с трудом согревая Сергея и его груз. Казалось, что жизнь зависела только от этого маленького язычка пламени, и, если он исчезнет...

Об этом даже думать не хотелось.

Каждый шаг давался с трудом. Мороз как будто обрел плоть и раз за разом, стоило ему поднять ногу для очередного шага, хватал его студёными руками и тащил вниз. Про немца, лежащего на санях, даже думать не было сил. Чудилось, что он везет гору камней, а не тело. Ему хотелось бросить этого гада, перевернуть сани и спустить того с холма. Но он не мог. Сам не понимал, зачем ему так необходимо было доставить этого паршивца в безопасное место.

Да помер же, а я возжусь с ним... – подумал Сергей, но проверить это был не в силах. Остановиться и удостовериться в том, что немец жив, казалось ему непостижимым действием. Особенно сейчас, когда огонь от факела мог погаснуть в любую секунду...

Так оно и произошло. Последний огонек на конце жерди колыхнулся и тут же исчез, оставив охотника наедине с его грузом.

Бледный свет луны, похожий на далекий фонарь маяка, освещал путь, отражаясь на снежном покрове. Звезды на небе, подобно зрителям амфитеатра, наблюдали за происходящим и с нетерпением ожидали развязки этого зимнего приключения.

Скрип снега под ногами превратился во множество голосов, мужских и женских. Какофония звуков, среди которых Сергей не мог понять ни слова, начала сводить его с ума. Он понимал, что мороз добрался до головы, где начал крутить шестеренки и гайки, с любопытством ученого наблюдая, что же будет дальше.

Наконец он не выдержал и упал и вскоре решил уснуть прямо здесь. Плевать на удобства, плевать на холод. Все, чего он желает, – это прямо сейчас погрузиться в беспечный мир сновидений и не думать больше ни секунды. Все произойдет так, как должно было этим утром: глубоко в лесу, среди снега, в полнейшем одиночестве.

Может, оно и к лучшему.

К скрипучим голосам добавилось нечто, что Сергей наконец смог понять: до боли знакомый лай Борьки среди непроглядной тьмы стал для него самым прекрасным звуком, как будто заиграла любимая мелодия. Уши охотника уловили, что лай шел с юга, откуда-то неподалеку.

Собравшись с последними силами, он умудрился встать на ноги, среди сугроба нащупал саночную веревку и, волоча за собой, отправился в сторону лая.

С каждой минутой Борьку было слышно все громче.

20

Первым делом Сергей разжег буржуйку.

Тепло возвращалось в тело, а вместе с ним и ясность ума. Он в последний миг вырвался из лап смерти и теперь находился в безопасности, наслаждаясь победой над мерзавкой. Не сегодня! Но вот немца она еще и не думала отпускать. Мальчишка не шевелился, даже пальцем не дергал, и лишь едва слышное сопение из его рта, напоминающее свист, говорило, что пока еще он сопротивляется.

Согрев ладони, Сергей подвинул тело мальчика поближе к пузатой буржуйке. Борька царапал когтями дверь и не переставая скулил. Псу как будто бы не терпелось воочию увидеть хозяина, чтобы убедиться, что тот не ранен.

– Да тихо, Борька! – прорычал Сергей. – Дай подумать, сукин ты сын!

Он взял в руки нож и аккуратно разрезал коричнево-красную повязку на ноге.

В нос ударил жуткий запах, сравнимый разве что со смрадом на скотобойне. Сладковато-кислый привкус буквально впитался в язык, заставляя Сергея прижать руку ко рту. Увиденное не вселяло надежды: вокруг отверстий от дробинок образовались черные гематомы, похожие на синяки, – зрелище не из приятных.

Сергей отвернулся, подошел к окну и глубоко вдохнул, набираясь смелости перед тем, что задумал сделать. Он бросил взгляд на немца, надеясь, что тот умрет. Да, именно умрет, вот здесь, в тепле, а не среди зимнего леса, опираясь на ледяной фюзеляж истребителя, где потом тело обглодает зверье.

Но мальчишка не сдавался. Грудь его по-прежнему еле заметно поднималась в такт дыханию. Сильный, зараза.

Ладно, подумал про себя Сергей, будь что будет.

Он спустился в подвал и забрал оттуда бутылку водки. Поднялся и из выдвижного шкафчика достал две вилки, и на обеих согнул зубцы по бокам, после чего бросил их в котелок с кипящей водой. Следующие несколько минут он метался по хибарке в поисках чистого тряпья, которого, разумеется, было не много, но все же пара штанов и рубах отыскалось.

Еще долгие три минуты Сергей сидел возле тела и ожидал, когда закипит вода. Осторожно осматривая рану, он думал о предстоящей операции: без марли, без помощника, способного помочь ему удержать пациента, если тот вдруг очнется. Даже без нормального, мать его, пинцета! О чем он только думает?!

Вода закипела, и Сергей, с осторожностью матери, вытаскивающей свое чадо из колыбели, при помощи ложки выудил две горячие вилки и положил их на чистую рубаху.

Он еще раз тяжело вздохнул, тыльной стороной руки протер выступивший от волнения пот. Сделав глоток из бутылки, чтобы успокоить частое биение сердца, обработал водкой раненую ногу и взял самодельные пинцеты.

Двадцать с лишним лет назад в его жизни произошло нечто похожее. Во время ожесточенных окопных боев пуля угодила в живот одному из солдат, засев между желудком и селезенкой. Молодой врач, имя которого Сергей забыл, немедленно принялся за извлечение пули, прямо среди грязи и происходящего вокруг бардака. Его пациент был в сознании, и так получилось, что он, лежа на коленях у полевого врача, всеми силами умолял того не лезть в его кишки и оставить пулю там, где она есть. Парнишка сопротивлялся и пытался вырваться из рук своего спасителя, пока рядом не появились Сергей и еще пара солдат. Именно их врач попросил прижать сослуживца к земле, пока тот будет проводить операцию.

Трое крепких парней с трудом удерживали хиленького на первый взгляд мальчишку, вдруг обретшего невероятную силу. И все потому, что тот знал: в его внутренностях будут ковыряться, как в сундучке с барахлом, – не самое приятное ощущение. Смотреть, как врач орудовал пинцетом в животе, было жутко, но тем не менее Сергею приходилось это наблюдать, поскольку он помогал смачивать рану антисептиком. Со стороны врач выглядел как часовщик за работой.

Эти неприятные воспоминания заставили руки Сергея задрожать. Там был врач, с нормальным пинцетом! И вынимал только одну пулю, а здесь... Около десяти дробинок...

К слову, тот врач удачно провел операцию, и парнишка остался жив. Чуть позже он даже извинился перед спасителем за свое поведение.

Сергей вытер испарину на лбу и сосредоточился. Зубчики вилки коснулись раны и начали углубляться все дальше в плоть, пока Сергей не почувствовал, как коснулся их концами первой дробины. Он зажал ее между зубчиками вилки и потянул к себе. Через мгновение крохотный свинцовый шарик со звоном упал на тарелку.

Оставалось вытащить еще девять.

21

Сергею понадобился почти час для извлечения всех дробинок. Предпоследняя далась ему особенно тяжело – негодяйка обосновалась глубоко в бедре, из-за чего достать ее было, все равно что поймать крысу голыми руками.

Каждый раз, когда горе-пинцет проникал в плоть, он молил Бога о том, чтобы тот не позволил немчуре очнуться. Кажется, Он был доброжелателен, и пациент за все время даже не дернулся. Правда, и хорошего в этом ничего не было. Оставалось совершенно непонятно, жив ли юнец? Или все это время Сергей лишний раз ковырялся в без пяти минут трупе?

Сердце немца билось. Тихонечко так, стеснительно, но билось.

Время покажет, думал Сергей, когда перевязывал рану. *В конце концов, на все Его воля.*

22

Охотник принял решение не делать вылазок в лес до тех пор, пока немец не очнется или не умрет. Это могло произойти в любую минуту. Тем более все последующие дни за окном стояла сильная метель, создавшая массу проблем. Каждое утро приходилось убирать снег с крыши хибарки, вежливо оставленной ночным вихрем, чтобы тот не обрушился на его голову и не прибили точно так же, как и куницу в его кулёмках. Прежде он сталкивался с капризами погоды, и, Бог свидетель, в этом году она была особенно сурова. Никак почуяла войну и обозлилась, иного объяснения у него не было.

Набросав кучу старого тряпья в угол хибары, он сообразил нечто вроде лежанки, куда положил немца поближе к буржуйке. Укладывать гада на свое место он не желал – много чести. К тому же из его раны сочилась сукровица, которой он наверняка бы измарал все его место для сна.

Еще связал немцу руки и ноги. Так, на всякий случай...

Спустя несколько дней вернулась хорошая погода. Не было ни намека на ветер, разве что мороз не сдавался, по-прежнему продолжая нещадно покалывать щеки. Превосходное время, чтобы совершить вылазку в деревню и сообщить о незваном госте в их лесах. Но поскольку немец нуждался в уходе, не говоря о том, что за ним нужен был глаз да глаз, он решил с этим повременить. Лучше, чтобы немец был жив. Мало ли, авось, знает чего? Возможно, это был непростой самолёт? Разведчики? Всякое может быть.

Было также интересно, с какой стати этот юнец сидел на месте пилота? Судя по возрасту его напарника, да и по более пёстрым петлицам и погонам, он должен был занимать его место. Любопытство так измучило Сергея, что он даже хотел по-быстрому наведаться к истребителю, порыскать там хорошенько в поисках чего-нибудь интересного... Но треклятый немец не давал покоя! Ведь очнется же, падла, и деру даст. Ищи потом его труп в лесу! Считаю, зря морочился с ним все это время.

Нет, с немчурой этим надо сидеть, как матери с новорождённым.

Борька тоже учуял некоторые перемены в привычной для него обстановке. Он то и дело норовил зайти внутрь хибарки, чтобы узнать гостя поближе. Сергей замучился шикать на него, чтобы тот не совал нос не в свое дело. Умный пёс, верный... Но любопытный, как щенок.

Как-то ночью Сергей проснулся от стонов. Немец, весь в поту, бормотал что-то, еле шевеля губами. Одним словом – бредил. Лишь только приблизившись к нему, охотник почувствовал, как его обдало жаром.

Намоченной тряпкой Сергей начал обтирать его лоб, сбивая температуру. Затем попытался напоить его водой, но та почти вся расплескалась по полу.

– Что, паскуда, бредишь... – бормотал Сергей. – Делать мне больше не хер, с тобой возиться. Там кулёмки стоят, обдирать их надо, ан нет... Угроздило тебя, сучёныша, свалиться на мою голову... Когда же ты сдохнешь.

Но немец умирать не хотел. Словно намеренно приглядывали за ним высшие силы, не допуская, чтобы он не сделал последний вздох.

– Ладно, живи, гад... Живи... А там посмотрим...

Часть 2. Трудности перевода

Колоть поутру дрова было его любимым занятием.

Выходя в одном лишь свитере и штанах с колуном в руке, охотник про себя приветствовал зиму, которая давеча его чуть не прикончила. Но Сергей не держал на нее зла. Он давно понял, что зима – это нетерпеливая хозяйка большого дворца: приглашает к себе гостей, показывает свои красоты, но просит не задерживаться слишком надолго, иначе приморозит. Это правило он для себя давно уяснил. Правда, порой приходилось его все же нарушать.

Борька лежал в конуре, наблюдая, как лезвие колуна с лязгом опускается на полено, расщепляя его на две равные половины. Пёс успел поест и теперь наслаждался утренней зимней прохладой. Даже его брюхо хрюкнуло от удовольствия.

Когда Сергей взмахнул колуном в очередной раз, послышался металлический лязг со стороны хибары, точно на пол упало несколько алюминиевых мисок. Сначала подумалось, что ему это послышалось, но наостренные уши Борьки и повернутая в сторону хижины морда тут же убедили в обратном. Бросив топор на землю, Сергей рванул к хибаре и открыл дверь.

Его гость очнулся. Он сидел на полу и ножом разрезал путы на ногах, каким-то чудом успел освободить себе руки. Сергей тут же выругался про себя за такую опрометчивость: ведь знал же, что гадёныш рано или поздно очнется и первым делом попытается освободиться, но про нож совсем не подумал! Все же с возрастом подобные вещи тяжело учесть, особенно учитывая события последних дней, напрочь заполонивших его голову.

Немец напоминал вора, застигнутого врасплох: глаза сделались большими, руки, орудующие ножом, застыли. Он не дышал и сосредоточенно уставился на него, явно пытаясь понять, что тот задумал.

Глаза Сергея на миг покосились в сторону ружья – оно висело высоко на стене, совсем рядом с немцем. Тот, разумеется, взгляд уловил...

Одним юрким движением немец срезал оставшиеся путы, прокатился как бревно к стене и что есть силы ударил здоровой ногой по ней. Через секунду ружье, словно упавшее с дерева яблоко, оказалось в его руках. Все это произошло столь стремительно, что Сергей даже шагу не успел ступить.

– Юрко прокатился, – буркнул Сергей. – У меня Борька так же умеет, когда жрать просит.

– Я не понимаю тебя! – крикнул немец.

Дуло ружья смотрело на Сергея, напоминая о событии минувших дней, когда он чуть не вышиб себе мозги.

– Не понимаю я ни шиша на твоём, ферштейн?

Немец крепче прижал ружье к себе. Лицо его стало злобным.

– Русский?

– Чего говоришь? Русский? – Сергей на мгновение призадумался. – А, ферштейн! Хочешь знать, русский ли я? Ну батюшка русский был, да. Матушка украинка, Полина Григорьевна из Запорожья родом...

– Заткнись! Я не понимаю, что ты говоришь! – крикнул раздраженно немец.

Лицо Сергея сделалось суровее.

– Ты мне голос не повышай, щенок. Я на тебя знаешь сколько рубак извел? – Сергей пальцем указал на окровавленную ногу. – Теперь ходить всю зиму в одном и том же! Услужил! И вообще, отдай-ка мне мое ружье...

Он сделал несколько шагов к немцу с протянутой рукой и вдруг...

Немец нажал спусковой крючок, но выстрела не последовало. Сергей замер, будто его ледяной водой окатило. С ненавистью он смотрел на светловолосого мальчика, осмелившегося

нажать на спусковой крючок еще раз, наверняка надеясь, что произойдет чудо и оно выстрелит. Но чуда не произошло.

– Ах ты, сучёнок... Вот она – твоя благодарность?

Сергей выхватил оружие из рук немца и прикладом огрел его по голове.

– Я, может, и старый, и котелок у меня хуже соображает, нежели раньше. – Взгляд Сергея в подтверждение этих слов на секунду упал в сторону ножа. – Но я не настолько глуп, чтобы оставлять заряженное ружье возле тебя.

Немец, несмотря на сильный удар в голову, по-прежнему был в сознании. Он попытался дотянуться до ножа, но тут же закричал, когда Сергей нажал ногой на его рану. Делать это было неприятно, в большей степени из-за того, что он сотворил большую работу с его раной, но только так можно было научить сорванца уму-разуму. Настырный паренек, видимо, понимает только язык насилия.

– Убери ногу, скотина! – ревел он. – Я тебя прикончу! Клянусь богом, я из тебя...

– Не нравится, да? Будешь знать, как вести себя в гостях.

Сергей убрал ногу, схватил немца за шиворот и поволок в сторону двери подвала. Не церемонясь, он сбросил вяло сопротивляющегося юнца вниз, как мешок с картошкой. Тот взвыл от боли, ударившись о деревянный пол.

– Я убью тебя, старикашка! – сквозь зубы шептал он.

– Визжи, визжи, может быть, от этого твоя нога заживёт быстрее.

Сергей достал из выдвижного ящика патроны – еще одна промашка, надо бы спрятать их в более укромное место, – и зарядил ружье. Еще он достал новый моток верёвки, благо у него ее было навалом, и спустился в подвал.

– Вон туда, живо! – рявкнул Сергей и дулом ружья указал в сторону деревянного опорного столба.

Немец окинул его грозным взглядом и не двинулся с места.

– Рожу проще сделай и двигай туда, куда я велел, иначе... – Ствол ружья уткнулся фрицу в плечо.

Долго уговаривать фашиста не пришлось. Постояв еще несколько секунд перед охотником, демонстрируя свою непреклонность, он все же пошел в сторону столба.

– Спиной повернись. – Сергей описал дугу дулом ружья. – Руки за спину, и чтобы без выкрутасов. Ферштейн?

Немец так и сделал. Нехотя он протянул руки назад, где Сергей их крепко завязал.

– Не с того ты начал знакомство, Ганс. Я же ведь тебе жизнь спас, с того света вытащил... А ты за ружье. Это у вас так принято, что ли, али как? Ну ничего... Я человек незлопамятный...

Крепко затянув узел, да так, что немец от боли шикнул, Сергей взглянул ему в лицо.

– Хотя чего я распинаюсь? Ты же все равно ни хера не понимаешь...

Немец все так же презрительно продолжал смотреть на охотника. Щеки его покраснели от злости, глаза выпучились. Его гнев больше напоминал мальчишеский, нежели настоящий, мужской.

Сергей поднялся по ступенькам и уже сверху крикнул:

– Посиди и подумай хорошенько над своим поведением, Ганс!

После чего захлопнул дверцу, и подвал окутала тьма, из которой слышалось лишь тихое дыхание пленника.

2

Как же было приятно размять ноги!

Сергей решил, что проверка кулёмок сейчас будет как раз кстати, к тому же хозяйка зима наконец сжалилась над ним и поумерила пыл. Немец точно никуда не денется. Он крепко свя-

зал его руки, да и дверцу подвала подпер тяжелой буржуйкой. Одним словом, его неблагодарный гость сейчас был как рыбка в аквариуме – никуда не денется.

Хотя паренька этого не стоило недооценивать. Все же ловко этот паскудник провернул трюк с ружьем. Это же надо было додуматься, взять и двинуть по стене так, что оно ему раз – и в руки!

Сам виноват, размышлял Сергей, давно нужно это захолустье в порядок привести. Гвоздей забить где надо, дощечек несколько поменять... Того глядишь, развалится все к лешему.

Борька бегал вокруг хозяина и довольно поскуливал. Видно, псу тоже осточертело торчать все эти дни в конуре, и он был так рад прогулке, что аж слюна из пасти текла. Несколько раз он нежно покусывал охотника, подначивая его на игру, но тому было не до игр. Сергей думал о дальнейшей судьбе рыбки в своем аквариуме.

Пристрелить его, и дело с концом, посетила его мысль. Ведь этот гад тебя прикончил бы, будь такая возможность. И глазом бы не моргнул!

На самом деле Сергей был даже рад, что немцу удалось завладеть ружьем. Этот случай лишь укрепил его уверенность в том, что Ганс настроен враждебно (как и миллионы других Гансов, с которыми воюют наши ребята). Хоть изначально в глубине души у него и теплилась надежда на то, что все будет как-то иначе.

Подумав, он все же отбросил мысль про убийство. Это было глупо и неразумно. Что же он на него зря силы и время свое перевел? Нет, здесь надо поступить по-умному...

Он дошел до первой кулёмки, и... о чудо! Между жердями, будто в пасти зверя, покоилась заледенелая тушка. Мысли о проклятии Божьем, не дававшие ему покоя последние несколько недель, как ветром сдуло.

Положив добычу в мешок, он пошел дальше, погрузившись в раздумья.

Немец этот наверняка может знать что-то. Нечасто, – а если быть точным, то вообще ни разу, – здесь летали фашистские самолеты. Стало быть, именно этот самолет особенный, как и его пассажиры.

Надо бы вернуться в деревню. Только вот идти дотуда в обход пару дней, потом столько же обратно, и того – четверо суток. Срок немалый. Если оставлять немца одного, без пищи и воды, он, того и гляди, очокурится, не говоря о возможных осложнениях с его раной, которые еще обязательно проявят себя. Был еще вариант: развязать Гансу руки, чтобы тот смог жрать и пить, и запереть крепко-накрепко в подвале до тех пор, пока он не вернется обратно. Замысел казался вполне осуществимым, но тоже имел свои риски. Его по-прежнему озадачивало то, что пленник его достаточно сообразителен. Он прознает, что хозяина долгое время нет дома, и, воспользовавшись этим, обязательно выберется из подвала. Наверняка найдет лазейку, сволочь эдакая!

Быть может, он прямо сейчас что-нибудь подобное осуществляет!

Эта навязчивая мысль заставила Сергея ускорить шаг.

Пожалуй, думал он, из всей этой кутерьмы есть только один выход – ждать.

Он дождется, пока нога немца заживет до такого состояния, чтобы он смог хоть ступить на нее. Придется помогать гаду, продолжать лечить. Потом завязать ему руки и под дулом ружья сопроводить до деревни, где он сдаст его ближайшим партизанам или солдатам. Правда вот сколько времени понадобится на то, чтобы Ганс окончательно поправился? Седмица?¹ Месяц? Он не имел понятия. Ёлы-палы, вот же засада!

И все же он пришел к выводу, что этот замысел куда лучше остальных, хоть и потребует от него некоторых усилий.

Дойдя до второй кулёмки, он снова обнаружил в ней тушку куницы. Находка его обрадовала и лишь укрепила уверенность в том, что он задумал относительно Ганса.

¹ Седмица – неделя (устар.).

Вернувшись после обхода почти с целым мешком дичи, он первым делом приготовил овсянку. Две порции.

Немец, слава богу, никуда не делся. Когда Сергей спустился в подвал, тот сидел, привязанный к столбу, и шурился от яркого света. Теперь он выглядел больше усталым, чем озлобленным: угрюмо смотрел на Сергея, после чего опустил голову, уставившись в землю.

– Гудтак, Ганс. – Охотник поставил две миски с горячей овсянкой и две алюминиевые кружки с холодной водой на табурет. – Как ты? Поразмыслил над своим поведением?

Пленник покосился в сторону еды. Его пересохшие от жажды губы выдавали намерения без слов – он бы накинулся на еду и воду прямо сейчас. Но гордость не позволяла ему брать подачку от врага. Даже если от этого зависела его жизнь.

Разумеется, Сергей тут же это понял.

– Жрать хочешь? – Охотник взял миску овсянки с ложкой и поставил ее на колени. – Я вот тоже проголодался. Обход страшно, знаешь ли, аппетит возбуждает. – Он зачерпнул порцию каши ложкой и начал есть. – Почти все кулёмки собрал, можешь себе представить? Давеча вообще голяк был, а сегодня... Эх! Всегда бы так.

Сергей вытер бороду от комков овсянки, отставил миску в сторону и взял кружку с водой.

– Ну, за хороший промысел! Не водочка, конечно... Водочку я на тебя, скотину, почти всю перевел. Но все лучше, чем ни шиша.

Сергей осушил кружку парой больших и нарочито громких глотков. Все это происходило под пристальным взглядом немца, в котором вновь просыпалась злоба. Жадно он наблюдал, как капли воды стекают по седой бороде наглого старика.

Вальяжно охотник достал из-за уха сигарку и протянул ее в сторону немца.

– Будешь?

Молчание.

– Ну как хочешь. – Он закурил, бросил использованную спичку на пол и чинно затаился. – Хороший все-таки табак у Василия Васильевича. Горчинка приятная, и привкус интересный.

Сергей заметил, как немец, не отрываясь, смотрит на него исподлобья.

– Ох, рожу-то съёжил какую! Ох, суровый! – Он затаился. – Дырку во мне пробурить собрался глазами своими? Хе-хе. Ну пробуй, пробуй, авось сработает. Тогда, может, и выберешься.

Сергей докурил сигарку, потушил ее о табурет и задержал взгляд на немце. Со стороны это выглядело так, словно он осматривал картину в музее, подмечая разнообразные детали в ней.

– Вот что, Ганс... – сказал Сергей и встал с табуретки. – Раз ты у меня в гостях, я хочу, чтобы ты усвоил два важных правила...

Сергей подошел к немцу почти вплотную, ткнул его в грудь и произнес по слогам, точно учитель начальных классов:

– В моем доме ты должен вести себя хорошо, ферштейн? – Охотник указал в сторону остывающей овсянки и кружкой с водой. – Если хочешь получить это... – он снова ткнул пальцем в него, на этот раз помягче, — ...будь паинькой. Гуд, ферштейн?

Немец по-прежнему снисходительно смотрел на Сергея.

– Ферштейн или не ферштейн, едрить твою налево?

Не сразу, но все же фриц ответил:

– Ферштейн.

На лице Сергея образовалась улыбка, скрытая за космами бороды.

– Гуд, гуд. Правило второе... – Он указательным и средним пальцем левой руки изобразил бегущего по земле человечка. – Даже не думай убежать! – Для пущей убедительности он ударил ладонью по левой руке, изображающей побег. Немец смотрел на него, как на чудака.

Сергей поднял указательный палец вверх и начертил в воздухе круг.

– Там сплошной лес и снег. – Он обхватил себя руками так, будто замерз. – И холодрыга там такая, что тебе в твоём Берлине и не снилась...

При упоминании Берлина немец приподнял плечи. Кажется, то было единственное слово, которое он понял.

– Даже если ты каким-то чудом выберешься отсюда, а меня прикончишь... – Эти слова Сергей также попытался изобразить языком жестов: он указал на немца и пальцами показал бегущего человечка, после чего провёл указательным пальцем по своему горлу, изображая нож. – ...то далеко не уйдешь. Здесь в округе нет ни одного человека – только я. И только я знаю, как выбраться из этого леса. Поэтому, Ганс, если решишься сбежать или прикончить меня... – Сергей вновь поднес к горлу воображаемый нож, —...считай, ты покойник. Зимущка родненькая позаботится о тебе, пока там будешь наворачивать круги... Станешь таким же мерзлым, как и куница в моих кулёмках...

Ни одна мышца на лице немца не пошевелилась. Он по-прежнему уперто смотрел на охотника.

– Это ты ферштейн, Ганс? – крикнул Сергей так, словно у немца были проблемы со слухом.

– Меня зовут не Ганс... – сквозь зубы проговорил тот.

– Так, что ты там пробубнил, меня не волнует. Все, что мне нужно, это услышать от тебя четкий ответ: ты ферштейн или не ферштейн?

Желваки на лице немца заходили ходуном.

– Ферштейн, – тихо произнес он.

– Громче, Ганс! Я не слышу.

– Фертштейн! – крикнул он.

– Вот и славно, – сказал Сергей и сильно хлопнул его по спине. – Уверен, ты будешь паинькой до тех пор, пока мы с тобой не отправимся в путешествие, где я отдам тебя нашим ребятам. А там уж они пускай сами по твою душу решат... Ну а теперь, давай-ка кушать.

Сергей взял с табуретки миску с кашей и зачерпнул горку овсянки.

– Придется с тобой как с маленьким, из ложечки. Развязать тебя не могу, ты у нас парнишка бойкий. Каша не бог весть какая, на воде варил. Туда бы сейчас маслица и сахарку, но, сам понимаешь, излишкам нет места на промысле. Здесь главное – голод утолить. Так, Ганс, разевай пасть...

Но немец явно не желал пихать в себя содержимое ложки. С отвращением он смотрел на водянистую овсянку.

– Разевай пасть, говорю, – нетерпеливо произнес Сергей. Ложка в его руке задрожала.

Немец открыл рот и позволил себя накормить.

– Ну вот, можешь же, когда...

Но Сергей недоговорил. Мгновение спустя куски каши оказались на его лице и стекали вниз, теряясь в жестких волосах бороды. Выплюнувший еду пленник уверенно смотрел на охотника и произнес:

– Жри это сам.

– Вот, значит, как... – Сергей рукавом свитера вытер смесь слюны и овсянки с лица. – По-хорошему, стало быть, не хочешь... Ну будет тогда тебе по-плохому.

Он встал с места, взял в руку кружку и вылил ее содержимое на немца.

– Посмотрим, как ты запоёшь через денек-другой без воды и пищи. Землю жрать будешь...

Охотник подобрал миски с кружками и пошел в сторону лестницы. Увидев, что Сергей покидает его, немец испугался и закричал ему вслед что-то на своем. Что именно, Сергей, разумеется, не имел ни малейшего понятия, но, судя по тону, ничего хорошего. Но ему было плевать.

Когда он закрыл дверцу, вновь погрузив погреб во мрак, немец еще продолжал истошно кричать.

4

– Пошел к черту, старый мудака!

Клаус Остер, лейтенант первого воздушного флота люфтваффе, был вне себя от злости. Обычно он не давал волю эмоциям и всегда сохранял хладнокровие, столь необходимое для любого бравого лётчика, но теперь больше не мог терпеть: он кричал, что есть сил, используя все известные ему ругательства родного языка, прекрасно при этом осознавая, что русский старикашка не понимает ни слова, но ему было все равно. Клаус кричал, чтобы побесить его, показать, что он не лыком шит и не собирается выполнять его дурацкие наставления. Он не пойдет на поводу у какого-то русского, от которого еще и воняет за версту чем-то едким и кислым.

Была и еще одна причина, по которой Клаус кричал не переставая. Он пытался отвлечься от жуткой боли в правой ноге, обмотанной грязным тряпьем и пропитанной запахом тухлятины. Внутри бедра будто копошился рой насекомых.

– Я убью тебя, слышишь? Убью!

Он старался не думать о боли, но та со временем стала лишь сильнее. Истинного немецкого солдата не должны заботить такие мелочи... Но черт возьми, как же ему было больно. Когда русский спустился в подвал и предложил то, чем обычно кормят свиней, он всеми силами старался терпеть жжение в ноге и не подавать виду.

Единственное, о чем жалел Клаус, так это о том, что ему не удалось выпить воды, которую этот вонючка вылил на него. Незаметно для старика он языком слизал пару капель, стекших со лба, но жажду этим не утолить. Господи! Он никогда в жизни не ощущал такого изнеможения, как сейчас. Горло было сухим, как кора высохшего дерева в центре пустыни. Он готов был выпить что угодно, лишь бы эта сухость наконец исчезла.

– Выпусти меня отсюда, скотина! – не сдавался он.

Помимо жажды и боли в ноге его мучила мысль: что, черт побери, произошло? И где он?

Последнее, что Клаус помнил, это как пилотируемый им истребитель Fieseler Fi 167 издал кряхтящие звуки и начал терять высоту. Что-то неладное произошло с двигателем – Клаус предположил это, когда впереди него образовалось черное облако дыма, – и с высоты в две тысячи метров самолет начал стремительно падать. Вместе с майором Штефаном (где кстати он? выжил? сколько же вопросов!) они бросили все попытки вырваться и приняли решение приземлиться. Но густой лес без малейшего пустого пространства все значительно усложнил.

Находясь в десятках метров от земли, Клаус заметил на двенадцать часов огромную ель. Он подумал, что дерево это будет последним, что он увидит в своей жизни, но благодаря недюжинной сноровке, приобретённой за несколько лет в рядах ВВС Германии, смог накренить самолет влево, и столкновения удалось избежать, но не полностью. Крыло на лету задело эту злосчастную ель, и на мгновение истребитель закружился в коротком вальсе вполоборота, развернувшем его на три часа, после чего рухнул на землю, проскользив еще сотню метров. От удара о дерево ему каким-то чудом удалось не пострадать, чего нельзя сказать о его напарнике...

Кlaus пытался привести майора Штефана в чувство как раз тогда, когда подоспел этот русский. Он до сих пор ругает себя за то, что так опрометчиво бросился к автомату, не оценив до конца обстановку. Всему виной были обыкновенный шок и то самое чувство оцепенения, когда старушка смерть дышала тебе в затылок и почти прибрала к своим костлявым пальцам.

Да уж, вернись он сейчас во времени туда, обязательно сделал бы все иначе: например, незаметно взял «Люгер» Штефана из кобуры, дождался бы удобного момента и всадил пулю этому старперу промеж глаз. Хотя ему нужно отдать должное – стреляет он метко, и это из такого-то допотопного ружья.

Кто же этот старик? Партизан? Вряд ли – тогда он бы увидел и других людей. Эти крысы живут только стаями и атакуют только стаями. Они неспособны биться как настоящие воины, предпочитая нападать втихую. Крысы. Да и будь это партизаны, его бы уже допрашивали. Или хотя бы привели того, чей словарный запас не ограничивается лишь «Гудтак» да «Ферштейн»! Но он бы им ничего не сказал, ни слова, поскольку и правда ничего сам не знает.

Вместе со Штефаном они вылетели с небольшого финского аэродрома неподалёку от Тампере. Ему дали обыкновенный приказ – доставить майора до острова Новая Земля с важным поручением. С каким именно – Klaus не имел понятия. Главное для него – это сесть за штурвал и услышать ставший родным за последние годы рёв мотора.

Klaus прикрыл глаза и попытался вспомнить, какого это – быть там, в небе. Вот бы сейчас оказаться подальше от этой гнилой ямы. Он бы сел за штурвал, взлетел как можно выше, откуда огромные поля казались небольшими разноцветными квадратиками, а десятки тысяч деревьев – волосками шерсти огромного зверя. Откуда озера казались жалкими лужицами, а реки – тонкими блестящими линиями.

Находясь там, в тысячах метров от земли, он чувствовал себя свободным. Казалось, что ему подвластно даже время...

Но рано или поздно приходилось спускаться.

Меня обязательно найдут наши. На Новую Землю не летают просто так, здесь кроется нечто большее. Наверняка там какой-нибудь секретный объект, возможно, база подлодок, слухи о которой расползались в солдатских рядах последние несколько месяцев. Это определённо что-то важное, и они не бросят своего вот так запросто...

Боль в ноге, как оплеуха, вывела его из транса и заставила зашипеть. Чертовка не давала ему сосредоточиться и подумать о том, как выбраться из плена. Невидимые насекомые внутри стали копошиться усерднее.

Видит Бог, ему всей душой захотелось заорать, попросить о помощи, только чтобы унять эту треклятую боль. И пить! Как же он грезил о глоточке воды!

Все же, не вытерпев, он закричал. В ногу вонзился невидимый кинжал и вращался из стороны в сторону. Но Klaus тут же превратил этот крик в песню:

– На земле всего превыше лишь Германия одна! Что к...

5

– ...защите и победам Кровным братством скреплена!

Сергей на секунду отвлекся от чистки ружья, чтобы посмотреть в сторону подвала, откуда раздался жалобный вой, похожий на песню.

Борька, услышав чужой голос, насторожился. Он давно понял, что помимо хозяина в доме завелось еще одно существо со странным запахом. Псу так и хотелось попасть в дом – Сергей не раз замечал, как его морда втискивалась в дверную щель, – и как следует обнюхать чужака. Вот и сейчас медленно, гремя цепью, он пошел в сторону двери.

– Боря, фу!

Глаза пса наполнились какой-то собачьей жалостью, и Сергей вспомнил того самого волка, увиденного им на днях. Та встреча до сих пор казалась то ли сном, то ли видением. Но вскоре он убедился, что это не так. Спустя день после того, как притащил сюда Ганса, заметил клочки серой шерсти, застрявшие на голых кустарниках. Именно в том самом месте, где и видел давеча своего вечернего гостя.

Почему-то судьба волка его озаботила. Он сам не мог понять почему, но при мысли об этом исхудалом звере у него засосало под ложечкой. Что же такого было в нем особенного?

– Жены немцев, верность немцев, песни и вино страны! – Голос Ганса стал увереннее, в нем открылось второе дыхание.

Ну, ничего, поразмыслил охотник, повоеет еще полчаса, да утомонится.

6

Наступил вечер.

Все это время Ганс не замолкал, продолжая тянуть свою песню.

Всеми силами Сергей пытался не обращать внимания на завывания пленника в погреб, но сделать это было все сложнее и сложнее. Каждый раз, когда он закрывал глаза и почти погружался в объятия сна, поганец намеренно повышал голос и начинал петь еще громче. Будто чуял, гад.

Сергею казалось, что он уже наизусть выучил эту проклятую песню, заевшую в ушах с полудня. И вот, когда хрипловатый голос из погреба затянул песню с самого начала, охотник не выдержал.

Вены на его висках набухали от злости, когда он заряжал ружье. Губы едва заметно шевелились, шепча ругань. Со стороны это выглядело так, словно он произносил какое-то жуткое заклинание. Держа ружье в руке, он распахнул люк подвала и спустился по ступеням. Ганс, завидев его, нарочно пытался петь громче, но голос его совсем охрип:

– Пусть для мира берегают дух немецкой старины!

– Что, сука, неймется тебе?! – Сергей был в ярости.

Немец на мгновение съёжился, когда охотник направился в его сторону.

– Нас к деяниям благородным вдохновлять всю жизнь должны, – пел немец, не отрывая презрительного и изнеможенного взгляда от охотника.

Сергей приставил ружье к его горлу и дулом приподнял подбородок. Немец продолжал петь, но к голосу его добавилась дрожь, он был напуган, хоть и пытался этого не показывать. Напуган, как любой человек, будь он на его месте.

Боже, подумал Сергей, ведь это всего лишь мальчишка!

– Ж-жены немцев, в-верность немцев, п-песни и в-вино с-страны!

Допев строчку, он зажмурил глаза и шепотом пел продолжение, пока его не остановил Сергей:

– Брала ру-у-сская бригада Гали-и-ицийские поля!

Немец медленно открыл глаза и уставился на него, бодро продолжающего петь:

– И-и-и достались мне в награ-а-ду...

Сергей окинул взглядом подвал, заметил связку жердей, заготовленных для новых кулёмок, и выудил оттуда две штуки.

– ...два-а железных костыля-я-я! – Жердями Сергей изобразил костыли, зажав их концы под мышками. – Из села мы трое вышли, трое первых на селе. И остались в Перемышле двое гнить в сырой земле!

Большими глазами немец смотрел так, что Сергей понял, что тот держит его за сумасшедшего. Но он продолжал петь:

– Я вернусь в село родное, дом срублю на стороне!

Немец очухался и снова затянул песню, пытаясь перепеть охотника:

– Расцветай в сиянье счастья!..

– Ветер воет, ноги ноют!..

– ...Процветай моя страна!

– ...Будто вновь они при мне!

На несколько секунд подвал в крохотной хибарке в гуще леса превратился в сущий балаган: Сергей пытался танцевать с двумя жердями под мышками, не забывая при этом горланить песню. Со стороны это выглядело нелепо: одно неловкое движение, и старик точно упадет. А вот немцу ничего не оставалось, кроме как из последних сил раздирать глотку так, что жилы на шее набухли от подступившей к ним крови. Какофония русско-немецких голосов закончилась тогда, когда Ганс, так и не допев строчку, замолчал.

– Ну что, Ганс! Все?! Умолк, наконец?! – По лицу Сергея расплзлась победоносная улыбка, но тут же исчезла, как только он взглянул на немца: его голова была опущена, подбородок касался груди, а изо рта вытекла ниточка вязкой слюны.

– Ёлки зеленые...

Он подошел к немцу, взял его за подбородок и посмотрел в лицо. Юноша бормотал что-то нечленораздельное, наверняка продолжал петь.

Пить хочет, подумал Сергей.

Не теряя ни секунды, он поднялся в хибару, зачерпнул стакан воды из ведра и принес немцу.

– Пей.

Губы фрица тянулись к воде, но не отступающая до сих пор гордость не позволяла им разомкнуться, и тогда Сергей применил известный всем прием: зажал большим и указательным пальцем его ноздри.

– Пей, не выпендривайся!

Не выдержав, немец все же открыл рот, и охотник силой влил ему содержимое внутрь. Юноша жадно глотал воду, кадык его заходил ходуном.

– Еще... – Голос с трудом было слышно. – Еще...

Сергею не понадобился перевод, и так было понятно, чего он хочет.

– Сейчас, сейчас, обожди...

Он притащил ведро, зачерпнул целиком стакан. На этот раз немец не сопротивлялся, даже, наоборот, приоткрыл рот и позволил охотнику осторожно его напоить.

– Еще...

Очередная кружка была осушена за несколько секунд.

– Еще...

– Все, Ганс, хватит с тебя. Постепенно надо, сразу столько пить нельзя – хуже будет.

Немец согласно кивнул.

– Так, сиди тут... – сказал Сергей и снова поспешил к лестнице. Поднимаясь по ступеням, он осознал, что за ерунду сморозил: *сиди тут!* Да куда он, собственно говоря, может деться с завязанными-то руками?

Растопив буржуйку, Сергей наскоро разогрел оставшуюся картошку, недоеденную в обед. Запах тут же привлек Борьку. Пес вылез из конуры и принялся корябать дверь хижины.

– Борька, фу! Иди спи!

Тот, обиженно заскулив, поступил так, как приказал хозяин.

Немец смотрел на кусочек жареной картошки, положенный в ложку, с большим аппетитом, но отказывался открывать рот. Остатки высокомерия не позволяли ему согласиться на подачку.

– Ганс, я тебя умолять не буду. Лучше ешь.

Из живота немца послышалось предательское урчание, заставившее Сергея ухмыльнуться.

– Не тяни кота за хвост... давай! Жри, в конце-то концов.

Осторожно, не отрывая взгляда от Сергея, белокурый юноша открыл рот и откусил половину картошки.

– Хороший мальчик, а теперь следующую... Давай, за дядю Адольфа и его скорую кончину...

Немец съел картошку.

– ...а эту за победу советской армии...

Еще одна ложка была съедена.

– Ну вот, видишь, как все просто!

Немец, так и недоев до конца тарелку, уснул прямо во время кормёжки. Впрочем, уснул – это мягко говоря, точнее будет сказать – вырубился. Обессиленный и истомленный, он склонил голову и тяжело задышал. Когда лицо немца стало видно не полностью, Сергею показалось, что это его Максимка, уж очень было похоже сопение. Он тут же постарался отогнать эту мысль как нечто постыдное и решил проверить рану, а заодно поменять повязку. Охотник не был уверен, что с ногой все было хорошо, хоть и выглядела она намного лучше, чем несколько дней назад.

Сергей покинул подвал и лег на лежанку, чтобы попытаться уснуть. Он нестерпимо устал, глаза щипало от влаги, и, казалось, он вот-вот погрузится в сон, но ему это так и не удалось. Голова была забита мыслями о минувшем вечере и походила на мешок, готовый порваться от тяжелого содержимого. Чертов Ганс окутал мысли. Сергея бесила его упертость, но и восхищало его мужество. Все же крепкий он малый, почти как его Максимка...

Уснуть удалось только на рассвете, но сон длился недолго: час спустя Борька лаял на всю округу, зовя хозяина на ежедневную прогулку по охотничьей тропе.

7

Проснувшись, Клаус увидел, как старик перевязывает его ногу куском светлой ткани. Обмотки прежней повязки со следами почерневшей крови лежали рядом. При взгляде на них у него все сжалось внутри – неужели он потерял столько крови?

Русский заметил, что он проснулся.

– Доброго утра, Ганс. – Из всего сказанного получилось различить лишь «Ганс».

– Мое имя не Ганс, а Клаус! Лейтенант Клаус Остер!

– На вот, жри. И болтай меньше.

Русский из кармана достал сухарь черного хлеба и протянул к его рту. Клаус поморщился при виде чёрствого куска, лежавшего не пойми где. Старик это заметил.

– Прости, Ганс, тушёной капусты с колбасками не было. – В голосе чувствовалась издёвка. – Тебе нужно жрать, чтобы нога скорее зажила, ясно? Жрать!

Клаус по-прежнему не понимал ничего из сказанного, но к уху прицепилось слово «жрать», которое старик произносил чаще всего. Чтобы выяснить его значение, Клаус решил поступить следующим образом.

– Срать? – спросил он.

Старик на несколько секунд задержал взгляд на Клаусе, а затем его как током ударило: он закатился смехом так, что из глаз потекли слезы, а лицо цветом стало напоминать спелый помидор.

– Вот же выдал, немчура! – сказал старик и тяжело выдохнул, пытаясь успокоиться. – Срать ты будешь уже после, я как раз нашел тут подходящее для этого дела ёмкость, а сейчас – жрать! Ж! Ж-р-а-т-ь! – Он поднес воображаемую ложку себе ко рту и повертел ей, изображая прием пищи. – Ферштейн?

Клаус наконец-то понял значение этого странного слова и, дабы закрепить его, обратился к старику.

– Кушать. – Он изобразил чавканье. – Жрать?

– Да, да! Еще раз повтори – ж-р-а-т-ь.

– Жи...ха-а...ть. Жихать!

– Неплохо, пока пойдет.

Лица старика засияло радостью учителя, наконец вдолбившего в голову ученика элементарное правило. Или ему было просто приятно услышать свой язык со стороны. Хотелось бы и Клаусу услышать родной немецкий от кого-нибудь в этом богом забытом подвале!

– Жрать, – старик съел сухарь, как бы подтверждая свои слова, а затем, потеряв живот, сел на корточки и изобразил на лице усилия. – А вот это вот – срать! – После чего он напрягся и изобразил выделение газов.

После этой нелепой сцены – сидящий на корточках старик и он, привязанный к столбу, – оба они посмотрели друг на друга. Все, что себе позволил Клаус, это тихонечко ухмыльнуться, хотя глубоко в душе хотелось засмеяться как следует от подобного зрелища.

Старик тем временем не унимался, продолжая уроки русского языка.

– Сапоги, – сказал он, указывая на пару берцев, снятых с Клауса.

– Запоги.

– Бутылка.

– Бутылька.

– Вода.

– Вота.

На последнем слове он непроизвольно облизался, что старик тут же заметил. Он зачерпнул кружку воды и помог тому напиться. Половина растеклась по подбородку, но этого было достаточно, чтобы утолить жажду.

Клаус уловил нечто во взгляде старика, когда тот поил его. Промелькнуло в этих влажных глазах на мгновение то, что он назвал бы отцовской заботой. От осознания этого мурашки побежали по телу. Старик тоже поймал себя на этом и тут же поспешил придать лицу привычный угрюмый вид.

– Ладно, немчура, пойду сготовлю твою любимую овсянку. И если ты, падла, вздумаешь тут рожу кривить...

Через полчаса – Клаус был не уверен, но предположил, что прошло именно столько, – русский вернулся с миской овсянки. На вкус она была пресная, и *жрать* ее было занятием не из приятных, но зато она просто на ура утолила чувство голода.

Клаус услышал лаянье пса. Стало быть, этот старикан точно не один, у него хотя бы есть собака. Это надо учесть. Но все же по-прежнему держать ухо востро – рядом обязательно могут быть другие. Нужно учитывать любую мелочь, если он хочет сбежать отсюда. Вот только как это сделать? Руки у него крепко связаны, левая нога по-прежнему ноет от боли – на ней далеко не уйти.

Сперва нужно оценить обстановку, подумал он, понять, когда русский выходит из хибары, как долго отсутствует. Нужно учитывать малейшие детали, только тогда ему удастся разработать план побега.

Этот поток размышлений навел на интересную мысль, которой он сам удивился. Она все это время лежала у него под носом, но он старательно не обращал на нее внимания:

Почему он спас меня, перед этим бросив умирать? Что заставило его передумать и вернуться, как будто ничего и не было? Совесть замучила? Нет, здесь нечто другое...

И еще. Каким образом он умудрился залатать его ужасные раны? Клаус помнил, что было с его ногой, когда он очнулся посреди ледяного леса.

– О чем думаешь Ганс? – Клаус уловил вопросительную интонацию. – Козни против меня замышляешь? Я же вижу, как лоб у тебя морщится.

– Зачем спас меня? – Кивком он указал на перевязанную ногу и тут же осознал – русский не поймет ни слова, но вопрос этот так терзал его изнутри, что он на мгновение забыл про языковой барьер.

Старик уловил его взгляд и кивнул.

– Понимаю, это не марля, не бинты... Но, чем богаты, тем и рады. Тут тебе не госпиталь с хлопающими глазками медсестричками. – Следующую ложку овсянки он съел сам, перепачкав седую бороду. Клаус почувствовал, что его тошнит. – Поэтому пока так. К тому же нашим ребятам будет все равно, каким я тебя отдам, хе-хе. Им же главное... – он постучал ложкой себе по затылку, —...что у тебя там, в твоей головушке светленькой. И ты вообще мог бы сказать спасибо за то, что я тебя спас. Лучше бы я тебя оставил там подыхать, не пришлось бы рубашек на тебя изводить столько. И водки.

И вновь Клаус не разобрал ни слова из сказанного. Когда этот идиот поймет, что разговаривать с ним на русском не имеет никакого смысла?

– Какой же ты идиот. Жалкий старикашка, от которого воняет как от свиньи. Ты знаешь, что такое душ? Или мыло? Тебе бы не мешает воспользоваться ими.

– Предположу, что ты благодаришь меня за то, что я целую ночь провозился, спасая тебе жизнь. Ну, в таком случае – битте! Или как бишь там на вашем...

Старик бросил ложку в пустую тарелку и встал во весь рост. Только сейчас Клаус заметил, что он был довольно высоким, чуть ли не под два метра ростом.

– Ну что, Ганс, пора и честь знать... Куница сама себя не поймает. И да, кстати, пока не забыл.

С одной из полок он достал небольшой эмаливый таз и бросил под ноги Клаусу.

– Это тебе для посять, хе-хе.

Через секунду подвал снова погрузился во мрак, освещаемый лишь светом из щелей в потолке. Затем раздался скрежет – старик передвигал что-то тяжелое, видимо, ту самую допотопную буржуйку, возле которой он очнулся, – и удаляющиеся шаги. Наступила тишина.

Клаус обратил внимание на полоску света на стене и запомнил расположение – третья банка слева на полке. Он размышлял о том, как сбежать из опостылевшего подвала, при этом всей душой надеясь, что делать этого не понадобится, поскольку верил, что совсем скоро придет помощь. Ему разрежут пути, возьмут под руки и выведут отсюда, а затем он окажется за штурвалом самолета и снова будет парить в небе.

Господи, как же ему хотелось оказаться там, среди облаков.

8

Он был свободен.

Истребитель, в кабине которого он сидел, был с ним единым целым. Стоило ему сделать вдох, как мотор начинал рычать пуще прежнего. Или подумать о том, чтобы уйти направо, как самолет начинало кренить именно в ту сторону.

Внизу, между сизых облаков, он увидел бесконечную водную гладь. Океан тихо напевал утреннюю мелодию, наполняя спокойствием его слушателей. А затем, где-то там в глубине, он увидел гигантский силуэт кита в окружении своих более мелких сородичей.

– Клаус, смотри! Смотри! – раздался голос позади.

На крыле летящего самолета он увидел младшего брата, стоящего в полный рост. Длинные русые волосы трепыхались на ветру. Молочные зубы ярко выделялись на фоне красного личика.

– Киты, Клаус! Там киты! – Он манил его к себе рукой. – Иди скорей сюда!

Клаус отпустил штурвал и осознал, что истребитель летит сам по себе. Крепко ухватившись за переднее стекло обеими руками, он покинул кабину пилота и осторожно направился к брату. Со стороны он напоминал канатоходца, рассчитывающего каждый шаг. Ноги словно удерживал невидимый магнит, и хождение по крылу летящего самолета было относительно безопасным. Наверное...

– Ты видел китов? Видел? Какие большие киты!

– Тоби, я же говорил тебе, чтобы ты не гулял тут один.

Мальчик виновато сжал губы и сложил руки вместе.

– Ты злишься на меня?

Клаус отмахнулся.

– Да черт с тобой.

– Ты выругался! Я все расскажу воспитательнице! А если хочешь, чтобы не рассказал...

– Тоби вытянул руки в стороны.

Вдруг Клаус заметил, что теперь он больше не на крыле самолета. Вокруг него как из-под земли образовался скалистый берег на севере Германии. Одно из тех мест, что изменило его жизнь. Лицо ласкает утренний бриз, волны с грохотом вонзаются в прибрежные скалы и отступают в Северное море.

– Вот так младший братик! Вымогатель!

Умоляющий взгляд мальчонки все же выполнил свое предназначение.

– Хорошо, твоя взяла. – Клаус сел на корточки. – Живо на борт!

Довольный Тоби пулей прыгнул на спину старшего брата и крепко схватился за его шею.

– Пристегнуть ремень! – скомандовал Клаус.

– Есть!

– Надеть шлем!

– Есть!

– Руки на штурвал!

– Есть!

– Приготовиться к взлету!

Удерживая братика за покорябанные ноги (госпожа Неприятность и он были лучшими друзьями), он начинает бежать.

– Дрынь! Дрынь! Дрынь! – Клаус всеми силами пытается изображать работу мотора. – Дры-ы-ынь!

– Выше, Клаус! Выше!

Ноги отрываются от земли, и та все больше удаляется. Он парит, как настоящий самолет. Среди пушистых облаков, среди ясного неба, пока Тоби, сидя на его плечах и заливаясь смехом, просит взлетать его выше и выше, выше и выше...

Заиграла музыка. Ее рождал каждый камушек в округе, ею пропитались синее небо и бесконечное море, бушевавшее внизу. Он тут же узнал эту мелодию, перерастающую в тоскливое завывание. Она медленно проникает в его нутро медленно и распространяется все глубже и шире, как случайно упавшая капля чернил в чистой воде. Музыка приближается к апогею, чернила заполняют весь океан! Оркестр воем, кричит от безумия.

Клаус спотыкается, и младший брат падает, больно ударившись коленкой. Мальчишка плачет, но он не слышит его крика, потому что музыка оглушает.

Ему хочется плакать, господи, как же ему хочется зареветь прямо здесь и сейчас!

И вот он проснулся. От осознания того, что все это было лишь сном, сердце бьется так, будто еще находилось там, в этих чудесных грезах. В месте, где он свободен и снова летает. В месте, где он увидел своего маленького братика Тоби.

Но теперь он снова здесь, в затхлом подвале, у черта на рогах. Старик наклонился над ним, замечает одинокую слезу, которую Клаус тут же пытается вытереть (он не покажет ему

свою слабость, не покажет!), но проклятые руки по-прежнему связаны. Как же это бесит! Он хочет освободиться, хочет просто выпрямить руки, положить их на штурвал и улететь отсюда как можно дальше!

Неожиданно для Клауса старик понимающе кивает, поджав губы.

– Ко мне тоже они приходят во снах, – сказал он на своем непонятном языке. – Извини, что разбудил.

От русского веяло морозной прохладой: румяные щеки, влажная борода, стало быть, он пришел только что. Когда тот зачерпывал кружку воды, Клаус посмотрел на полку с банками – луч света едва коснулся последней, шестой банки в ряду, и так третий день кряду. Получается, что он уходит и возвращается почти всегда в одно и то же время.

Старик, приподняв повязку, осмотрел раненую ногу.

– Ну что, Ганс. Все вроде бы зер гуд, нога выглядит лучше. Но до полного выздоровления тебе еще далеко.

Родное «зер гуд», пускай и с ужасным акцентом, заставило спокойно выдохнуть.

– Ладно, пойду приготовлю пожарать, – последнее слово он выговорил отчетливее, чтобы Клаус смог его разобрать. Уж это слово он запомнит на всю жизнь (как же он надеялся, что она не закончится в этом подвале). – Ты представляешь, куница чуть ли не сама в кулёмки прыгает! Почти каждый день хотя бы по одной тушке удастся взять. А на днях Борька учуял одного свежего! Ушел в завал, гад, пришлось выкуривать, а это дело, знаешь ли, трудное, сначала надо... Хотя чего я тут снова распинаюсь, ты же ни хера по-русски...

Когда старик закончил бормотать и начал подниматься по лестнице, Клаус окликнул его и сказал слово, выученное им на днях:

– Спасибо.

Дед остановился, спустился на ступеньку вниз и обернулся в сторону пленника.

– Спасибо, – сказал еще раз Клаус и кивком указал на раненую ногу. Словосочетание «зер гуд» так сильно его взбодрило, что он напрочь позабыл о прежнем гневе в адрес старика. Все же если бы не он – лежать ему сейчас примёрзшим к фюзеляжу.

В ответ тот лишь кивнул, после чего ушел наверх, оставив дверцу подвала открытой.

9

Минуло пять дней с тех пор, как немец очнулся. Лишь тогда Сергей сообразил, что осталось у него одно неоконченное дельце в лесу. Чтобы сделать его, вышли они с Борькой ни свет ни заря. По пути заодно решил проверить кулемки. Бродя по выверенной тропинке, он осознал, что самую малость привязался к пленнику, который своим присутствием хоть как-то разбавлял каждодневную рутину. Говорил бы еще хоть маленечко по-русски, гад! Поболтали бы о чем-нибудь. Впрочем, несколькими словами он уже владеет, а там, глядишь, и заговорит не хуже наших. Парень он, как ни крути, сообразительный. В летчики других не берут.

Не давал ему покоя еще один факт, вызывающий лёгкую оторопь: его схожесть с Максимкой. Это не ограничивалось только цветом глаз и волос или круглым лицом. Сергей долго не мог понять, что же именно напоминало ему в немце сына, пока тот давеча не сказал «спасибо». В эти секунды глаза заблестели, а взгляд сделался таким доброжелательным, что на мгновение он подумал, будто перед ним и правда Максимка. Только он умел смотреть таким взглядом.

Наконец, спустя пару часов пути, он вернулся к месту крушения истребителя. Машина эта, порядком засыпанная снегом, выглядела удручающе. Она казалась огромной птицей, свалившейся с неба ему на голову, а не куском металла, еще недавно летавшего в воздухе.

Сергей подошел к месту второго пилота, где находился холмик снега. Убрав его, он убедился, что труп еще на месте. Разве что лицо было изуродовано холодом наряду с ранами,

что оставили ему местные птицы или другие мелкие зверьки. Более крупные, по-видимому, добраться до него не смогли.

Он приложил немало усилий, чтобы вытащить мерзлое тело, застывшее в сидячей позе, из кабины: он использовал лопату и вытаскивал с ее помощью тело как глубоко осевший в земле сорняк. Замерзшая форма немца по ощущениям напоминала кусок стали. Да и сам труп был тяжелее своего обычного веса и походил на каменную статую.

В кобуре у пилота Сергей заметил пистолет. Попробовал его вытащить, но все без толку – тот напрочь примерз. Плюнул он на него и решил оставить так, как есть. Карманы у фрица оказались пустыми – ни тебе фотографии родных, ни документов, ничего.

С трупом Сергей долго не возился и захоронил его возле ближайшей ели, заранее выкопав там могилу. Сделал он это скорее из жалости, нежели по другим причинам. Пускай и фашист, но кто его знает, может, прежде чем им стать, человеком он был хорошим? Да и негоже это, чтобы труп вот так валялся в лесу, неподалеку от хибары, поскольку ненароком хищников может привлечь. А Сергею жуть как не хотелось иметь дел с ними. Он и одним серым постояльцем был сыт по горло. Волк вот уже несколько дней охаживал его хижину кругами, все набираясь смелости подойти поближе. Но то ли Борька, то ли он сам своим присутствием не подпускал зверя к порогу. Так он и бродил неподалеку, лишь изредка давая о себе знать клочками шерсти, оставленными на ветках или снегу.

Вернувшись домой к обеду, он сварил горсть перловки, как всегда, разделил ее на две миски и покормил Ганса. Уже собираясь уходить, услышал, как тот что-то забормотал на своем.

– Что тебе надо от меня, старик? Когда отпустишь? – Немец дернулся. – У меня руки затекли, и жопа твёрже камня стала. Имей совесть!

– Добавки, что ли, хочешь? – Сергей протянул ему еду.

– Выведи меня хотя бы на улицу, ноги размять, воздухом подышать! Я здесь с ума схожу!

Не произнося ни слова, Сергей поставил табуретку прямо напротив Ганса и сел. Из кармана он достал сигарку, поднес ее к носу, вдыхая запах крепкого табака, и немного погодя закурил. Едкий запах заставил немца сморщиться. Тем временем Сергей затягивался и, судя по его расслабленному взгляду, наслаждался этими секундами.

– Знаешь, Ганс, я ведь когда-то был таким же молодым. Даже не верится. Иногда как подумаю об этом, и по телу мурашки... Ох уж это беспощадное время. – Он ухмыльнулся, сделал затяжку и продолжил: – Белокурый красавец, от баб отбоя не было, как пчелы к меду липли. Мы когда с отцом промыслом еще не занимались вместе, я другим делом у нас в деревеньке промышлял – пшеницу косил. Бывало, выйду поутру с мужиками поле косить, а девки тут как тут, сидят у тополя, бельишко стирают, шушукаются меж собой и все хихикают. А глазки бегают то в мою сторону, то друг на дружку. Ой, дуры же бабы! Помещик наш, Фёдор Васильевич, упарился им прутиком грозить, чтобы баклуши не били... Я все тогда думал, что ему надобно бы выбрать инструмент более грозный, нежели тонюсенький прутик, глядишь, бабы послушнее бы стали и поняли намек, хе-хе. Но я, признаться, был и не против такого внимания, как и все остальные мужики. Большинство из них, кстати, этих девиц потом в жены взяли. Все, кроме меня. Не было мне дела до всех этих нежностей, другого сердце мое требовало. Ждал я все, когда мне двадцать один год стукнет, покину я отчий дом и в армию вступлю. Благо, кормильцем я был не единственным в семье, помимо меня были у меня старший брат и сестрица, царство им небесное...

Сергей немного подался вперед и продолжил:

– Дождался, вступил в ряды армии Государя нашего. Грамоте выучился, в стрельбе из трёхлинейки был одним из лучших в роте. И сейчас не промах, в чем ты, Ганс, убедился на своей шкуре, хе-хе. Одним словом – хорошо все шло! Отец гордился, мать и сестрица рыдали, что так долго еще не увидят, брат младший завидовал, сам скорее хотел пойти по моим стопам. А мне хорошо было, чувствовал я себя кем-то большим, чем мальчишкой с косой да ружьем в

руках. Так и служил, пока в четырнадцатом году не объявили мобилизацию и нас с ребятами не отправили в Восточную Пруссию, где...

Охотник остановился и опустил взгляд. Немец смотрел на него в полном недоумении, но тем не менее слушал, хоть и не понимал ни слова.

– Там я понял, Ганс, что такое война. – Сергей незаметно для себя перешел на шепот: – Совсем не тем она оказалась. Я все рисовал в голове, что это вроде игры в шахматы, где вместо фигурок – настоящие, живые люди и думать нужно осторожнее, и тогда победа в твоих руках. Ни хера подобного! Война не поддаётся никакому описанию. Ни один человек на свете, даже побывавший на полях сражений, никогда не убедит тебя, как ужасна война. Пока ты сам не услышишь нечеловеческий крик, не увидишь все эти куски тел, бывшие когда-то человеком... ты не поймешь, что такое война.

Глаза Сергея наполнились слезами, но он продолжал говорить под внимательным взглядом молодого немца:

– Я столько раз рассказывал ему, как это страшно – оказаться там. Столько ужасных историй про людей, которых забрала та война. Но что с того? Это его не остановило. Он ушел, ушел навсегда... И теперь я здесь совсем один, сижу и говорю с тем, кто ни черта не понимает из всего мною сказанного! Тьфу ты!

Сергей вытер тыльной стороной ладони подступившие слезы и встал.

– Не видел ты, что такое война. Вижу это по твоему лицу, по глазам... Не нюхал ты пороху. Может, даже и хорошо, что ты сейчас здесь, а не там... И не только за ногу спасибо скажешь – за жизнь спасенную меня потом поблаговаришь!

С этими словами охотник вышел из подвала, все так же оставив дверцу открытой.

10

Ближе к вечеру со стариком стало что-то неладное.

Он не вынес ему ужин, не отзывался на просьбу дать попить, хотя при этом находился в доме и прекрасно его слышал, поскольку дверца подвала была открыта. Он много курил, – запах курева был настолько ядреный, что просачивался через щели потолка, – и то и дело ходил взад-вперед, как будто о чем-то размышляя. Ну а когда луч солнца коснулся связки жердей в дальнем углу подвала и исчез, что Клаус давно обозначил для себя как наступление сумерек, русский начал греметь посудой. Поначалу показалось, что он соизволил вспомнить про него и наконец-то накормить, но не тут-то было: он продолжал топтать, шуметь, словно нарочно, и даже впустил внутрь собаку, чего не делал ни разу за все время его пребывания в этом клоповнике.

Бросив строить догадки относительно происходящего наверху, Клаус вернулся к событиям сегодняшнего дня, когда старик рассказывал ему что-то. Разумеется, он не разобрал ни одного слова, но, наблюдая за глазами и лицом, изрезанным морщинами, догадался, что он рассказывал ему о смерти. Давным-давно он видел такой взгляд у тёти Эмили: эти затуманенные глаза, смотрящие в одну точку, и тоскливые нотки в голосе. Когда человек говорит о смерти, языковой барьер не имеет значения.

– Это нужно учесть, – прошептал про себя Клаус, а затем продолжил мысленно: «*Возможно, это ключ к моему будущему спасению отсюда*».

Совсем скоро лязганье посуды неожиданно перешло в пение. Хриплый голос русского разнесся сверху. Пел он сначала тихо себе под нос, а затем и вовсе на все помещение. Он намеренно драл глотку, пытаясь перепеть невидимого оппонента. Клаусу сразу вспомнился его второй день заточения, когда он упал в обморок. Кажется, что с того дня прошла целая вечность.

Клауса озарило, почему русский вел себя так странно – он же пьян! Окончательно удалось в этом убедиться, когда тот наконец спустился в подвал. Хотя нет, спустился – слишком хорошо сказано. На второй по счету ступени нога старика подкосилась, и он грохнулся на живот. Прошла почти минута, но он так и не шевельнулся. Клаус подумал, что тот помер, и даже понадеялся на это, но через несколько секунд старик встал как ни в чем не бывало и, покачиваясь, направился к одной из полок, не замечая его или только делая вид, что не замечает. Он был не просто пьян, а *stockbetrunken*², как поговаривали у них в пивных. Клаус заметил в его руке смятый листок пожелтевшей бумаги. Интересно, что там было?

– Где же ты... сука... – пробормотал он на своем, а затем запел себе под нос: – Вдруг снаряды... зашумели, стали трупы... отлетать.

Наконец он нашел искомое: полуторалитровая бутылка без этикетки была найдена за теми самыми банками, с помощью которых Клаус измерял время. Старик взглянул на бутылку, как ученый химик смотрит на пробирку с известной только ему одному субстанцией, и обнаружил, что там оставалось лишь несколько глотков на доньшке. В очередной раз выругавшись – знание русского не требовалось, чтобы это понять, – он залпом выпил остаток бесцветной жидкости и, будто ничего и не было, пошел в сторону лестницы. Но вдруг остановился и, покачиваясь, как колос пшеницы на ветру, вытаращился на Клауса. Мутные глаза пьянчуги заставили Клауса занервничать – от него можно было ожидать чего угодно.

– Чего вылупился... – сказал старик. – Смотрит он... А ты вот, немчура... ох... Знаешь, какой сегодня день, а? Знаешь?

Клаус отвел взгляд в надежде, что тот отстанет от него и уйдет. Но этого не произошло. Боковым зрением он уловил, что старик буквально вылупился на него. Человека, заточившего его сюда, и след простыл. И этот ужасный запах перегара, пропитавший весь подвал наряду с другими не менее приятными запахами, напомнил ему об отце.

– Ну чего молчишь, сука... Давай, скажи что-нибудь.

– Я тебя не понимаю.

Старик шмыгнул носом, на лице его появилась злобная гримаса. Медленно он зашагал в его сторону. Клаус инстинктивно попятился назад.

– Не подходи ко мне.

– Что, Ганс, обосрался? – Он говорил растянуто. – Жмись, жмись сука! И отвечай, какой сегодня день?!

Клаус молчал. Он осознал, что его жизнь может прерваться в любую секунду лишь потому, что этот старый хрен решил напиться. Алкоголь мог превратить человека в зверя, уж ему это было известно.

Русский схватил его за шкуру и поднял на ноги. Запах пота и перегара тут же вонзились в ноздри, заставив поморщиться от омерзения.

– Я спрашиваю тебя, гнида ты поганая, какой сегодня день?! – Он взмахнул пустой бутылкой. – Отвечай, тварь! Отвечай!

– Я не понимаю тебя, идиот! Не понимаю!

– Отвечай гад! Отвечай, скотина, какой сегодня день?!

– Я же сказал, что я тебя...

Старик замахнулся бутылкой и пронзительно заорал, заставив Клауса зажмурить глаза. Лицо его стало красным, глаза налились кровью. Он орал так, точно намеревался оглушить его, пока наконец со всей силой не обрушил руку, держащую бутылку, прямоком на Клауса...

Но удар пришелся не по его голове, а по деревянному столбу, к которому он был прикован. Десятки осколков рассыпались по полу, заставив Клауса закричать. Он был уверен, что

² Пьяный в стельку (нем.).

свихнувшийся старикашка ударит его и через секунду он почувствует адскую боль, после чего отключится, он был уверен, но...

Когда Клаус открыл глаза, то увидел перед собой совершенно другого человека. Злобу пьяницы словно ветром сдуло, оставив лишь жалкого, убитого горем старика. Его глаза опухли от слез, челюсть сводила судорога. Кроме всего прочего, на несколько секунд его одолел сильный кашель, да такой силы, что из горла, казалось, вот-вот что-то вылезет.

Старику понадобилось время, чтобы избавиться от кашля и тихо, почти заывая прошептать:

– Сегодня ему исполнилось бы двадцать два, – говорил старик сквозь слезы. – Двадцать два года, двадцать два...

Он сел на колени, спрятал лицо в руках и горько заплакал. Клаус будто увидел этого человека впервые. Он так сильно проникся слезами старика, что захотелось обнять этого несчастного человека, но сдержался. Да и руки его все еще были крепко связаны.

Снова старика охватил приступ болезненного кашля. Прислонив руку ко рту, он поспешил выйти наружу, оставив Клауса наедине с самим собой.

11

Проснувшись ранним утром, он вспомнил события минувшей ночи словно дурной сон: пьяный старик, запах перегара, ужасный кашель, раздражающий горло. И бутылка, почти ударившаяся о его голову. Впервые с момента крушения истребителя он ощущал себя на волосок от смерти.

Он взглянул на полку. Луч солнца, выглядывающий из щели, освещал вторую банку. В это время старик обычно уходил куда-то, но перед этим, как правило, будил его и давал позавтракать.

Сегодня этого не произошло.

Если с ним что-то случилось... – подумал Клаус и тут же представил себе в голове картину, в которой он, привязанный к столбу, умирает долгой и мучительной смертью от жажды и голода. По спине тут же побежали мурашки. Не о такой смерти он мечтал, да он вообще ни о какой смерти не мечтал! Ему хотелось жить как никогда, в особенности после того, что он испытал здесь.

Надежда на спасительный отряд еще не покидала его, но с каждым днем таяла.

Но Клаус понимал, что обманывает себя. Никто сюда не придет. Никому не сдался какой-то там Клаус Остер двадцати пяти лет от роду – один из подающих большие надежды молодых пилотов во всем треклятом люфтваффе. Они найдут еще сотню таких же, а единственная память о нем будет храниться на какой-нибудь железке в виде нагрудного знака, *посмертно*.

Эта мысль разъярила его. Все тело сотрясало от злобы, и он начал дергать веревку, стягивающую его руки так сильно, что та оставляла кровавые отметины на запястьях. Он бил ногой по полу, поднимая в воздух слой пыли. Захотелось орать, но крик застрял где-то в горле. Отчаянно он бился в истерике, пока накопленная за эти дни злоба не вышла из его тела целиком, подобно заразе, и он сел, опустив голову. И именно в эту секунду справа от него что-то блеснуло, будто Полярная звезда, которую он часто наблюдал во время полетов. Луч солнца коснулся кусочков стекла, лежащих на полу, и Клаус разглядел острый осколок бутылки. Он почувствовал, как сердце заколотилось быстрее.

Вот оно... Вот оно!

Он вытянул правую ногу, одетую в шерстяной носок, и попытался коснуться осколка. Чувствуя, как мышцы икр растягиваются, он вспомнил про одну средневековую пытку: жертв клали на специальное ложе, крепко завязывали на запястьях и лодыжках веревки и при помощи вращающихся валиков, начинали растягивать суставы несчастного. Ну а то, что было с телом

дальше, представить не сложно. О чем только человек, бывает, не задумывается, пытаясь спасти себе жизнь!

Кончик шерстяного носка прикоснулся к осколку и сдвинул его чуть дальше. Клауса выругался, попытался сосредоточиться, глубоко вздохнул и вытянул ногу вновь.

Первая попытка не удалась, вторая была удачнее – он снова коснулся кончиком пальца стекла, но не смог его подцепить, третья же и вовсе свела ногу судорогой. Клаус, привязанный к столбу, наклонил тело вперед настолько, насколько это было возможно, и снова попытался дотянуться до осколка.

И у него получилось.

В ту секунду, когда большой палец ноги, одетой в носок, коснулся заветного осколка, его лицо озарилось улыбкой неандертальца, после долгих усилий разжёгшего огонь. Скрежет стекла по деревянному полу звучал лучше всех музыкальных классиков вместе взятых.

Когда осколок оказался рядом с бедром, он слегка ударил по нему пяткой в надежде, что не перестареет и не отбросит его слишком далеко. Но и здесь ему сопутствовала удача. Средний палец правой руки сразу нащупал стекло. Пришлось немного повозиться, порезав при этом подушечки безымянного и указательного пальцев, чтобы осколок очутился в его ладони. Он тут же хотел начать резать путы, но замер и задумался:

Может, обождать? Дождаться завтрашнего утра, убедиться, что старик ушел, и только потом попытаться сбежать?

Но тяга к свободе оказалась сильнее. Ему настолько осточертело это место и так был мерзок русский старик, что он был готов рискнуть. Не теряя ни секунды, он начал резать путы, медленно и осторожно, чтобы не задеть острием запястье.

Луч света был на середине второй банки.

12

Десять минут ему понадобилось на то, чтобы разрезать путы.

Как только веревки сползли с его окровавленных кистей, он почувствовал невероятное облегчение: точно скинул с себя неподъемную ношу, не дающую покоя очень долгое время. Он был так сильно возбужден, что отчетливо слышал стук собственного сердца, которое, помимо всего прочего, будто щекотало невидимое перо – странное чувство. Наверное, так же ощущал себя Дантес, сбегающий из замка Иф.

Рано расслабляться, думал Клаус. Хоть ты и снял кандалы, ты по-прежнему в подвале, по-прежнему в замке...

Он шагнул вперед и чуть не упал, с трудом удержав равновесие. Раненая нога хоть и заживала, но все еще отдавала жуткой болью, стоило только на нее ступить. Стиснув зубы, он сдержал почти вырвавшийся наружу крик, выдохнул и осмотрелся. Взгляд упал на связку жердей, в них по ночам он иногда замечал человеческий силуэт, пугающий его в первые дни заточения. Допрыгав на одной ноге до связки, он выудил одну из жердей, самую крепкую на вид, и, используя ее в качестве костыля, направился в сторону лестницы. Поднимаясь по ступеням, что тоже потребовало немалых усилий, он снова поразмыслил о том, чтобы отложить побег до того момента, когда возникнут более благоприятные обстоятельства. Далеко ли он уйдет на одном костыле, с раненой ногой, да еще и в зимнюю пору? Будет лучше, если он прямо сейчас спустится, спрячет осколок в кармане, завяжет себе руки, чтобы не вызвать у старика подозрения, и подождет, просто подождет...

Но мысль о проведении еще хоть одного дня в погребе была настолько для него мерзкой, что он был согласен на любой риск, лишь бы снова не оказаться там, в этой тьме, возле этого столба. Нет, ни за что на свете, даже за миллион марок он не проведет больше ни минуты в этом погребе!

Высунув голову наружу, он сразу увидел его.

Старик лежал неподвижно на полу, животом вниз. Возле него был суший бардак: шкуры мелких зверьков, разбросанные тут и там, множество посуды раскидано по углам. Кроме того, в хижине стояла невероятная вонь перегара, напомнившая о его нерадивом папаше, вернувшемся с очередной попойки. Вот он стоит, маленький Клаус, держа едва научившегося ходить братика за ручку, и тихонечко про себя размышляет: *Папа умер или просто спит?*

Тихо, насколько возможно, он вылез из подвала. Концом жерди коснулся ружья, лежавшего как нельзя кстати под ногами старика, тут же взял его в руки и, на этот раз убедившись, что оно было заряжено, подошел к спящему. Дулом ружья коснулся его плеча, – ответа не последовало, – после чего перевернул того на спину.

Сначала показалось, что старик и впрямь помер: рот приоткрыт, что сразу наводило на мысли о смерти. Но когда тот слегка всхрапнул и что-то пробормотал, сомнения развеялись. Старый хрыч был жив и крепко почивал после ночной попойки.

Клаус приставил дуло ружья к горлу спящего и взвёл курок. Он не спускал глаз с неопрятного лица, с растрепанной бороды и большого носа-картошки. Палец еле касался спускового крючка. Видит бог, он желал его смерти, хотел бы отомстить за все те ужасные дни в заточении, за раненую ногу, за все пережитые унижения...

А еще при взгляде на это храпящее существо перед глазами возникал образ мертвеца пьяного отца, лежащего возле его ног. Клаус снова превратился в мальчишку, только теперь в руках была не худенькая ручка Тоби, а заряженное ружье.

Подушечкой пальца он немного сдвинул курок.

– Ты ответишь за все, что сделал. Ты...

Озлобленные глаза наполнились слезами. Он надавил дулом ружья в шею старика так сильно, что мушка утонула в складках дряблой кожи.

Клаус почти выстрелил, но в последнее мгновение передумал. Этот человек, каким бы он ни был, спас его жизнь.

– Считай, мы в расчете, старикан. На этот раз...

Медленно он убрал ружье в сторону и осмотрел помещение хибарки в поисках веревки, чтобы связать старика, пока тот еще спит, но такой не нашлось. Да и времени искать что-нибудь подходящее у него не было – русский мог проснуться в любую минуту. Он повесил ружье на плечо, взял спящего под мышки и дотащил до дверцы погреба. У Клауса было жгучее желание сбросить старика с лестницы, как тот поступил с ним в первый день их знакомства, но он сдержался. Осторожно положив довольно тяжелое тело на пол, он поспешил закрыть люк подвала и заслонить его буржуйкой.

Далее Клаус начал обыскивать хижину в поисках чего-нибудь полезного. Делать это он старался быстро, уж очень не хотелось слышать, как очнется старикашка и начнет орать.

В древнем выдвижном шкафчике, пахнущем кислым запахом табака, он нашел пару десятков патронов – решил взять все на всякий случай, – и коробок спичек с картинкой лося с большими рогами. Рядом с тем же шкафом нашел свои берцы с лёгким слоем пыли. Потом взялся за стойки в поисках чего-нибудь съестного, с безразличием сбрасывая все на пол, но ничего, кроме перловой крупы да сидевшей в печёнках овсянки найти не удалось – пришлось взять их. Все собранное он упаковал в тканевый мешок, найденный на полу, и уже было собирался уходить, но остановился. На крючке прямо возле двери висел тулуп: заношенный, с десятками заплат и пахнущий дешевым табаком. Как и его хозяин, этот предмет гардероба вызывал отвращение. Но у Клауса не было выбора, поскольку единственное, что был на нем из одежды, – фуфайка бледно-зеленого цвета да старые брюки, надетые на него стариком. Морщась, Клаус надел тулуп, и, разумеется, тот оказался ему велик, все же его хозяин был довольно высок и плечист. Из рукавов выглядывали одни только пальцы, воротник упирался в подборо-

док – ему казалось, что со стороны он выглядел мальчишкой, решившим примерить баловства ради отцовскую куртку.

Наконец, справившись с тулупом и взяв в руки мешок с наскоро собранной провизией, он, придерживаясь за костыль, открыл дверь хибары.

Его ослепило. Никогда прежде солнечный свет не казался таким ярким, как сейчас. Огромные кучи снега, которым не было ни конца, ни края, заставляли глаза жмуриться от яркой белизны. Он хотел утонуть в потоках солнечных лучей, купаться в них до тех пор, пока ему не надоест. А воздух! Господи, благослови зимний воздух! Наконец-то в легких оказался свежий воздух, без примеси затхлого погребца и кислого табака. Он был так очарован происходящим, что совсем не обратил внимания, как возле ноги его образовалась небольшая тень.

Псина, громко лая, выскочила из конуры, испугав Клауса так, что он упал в сугроб. Зубы почти сомкнулись на его левой, и без того пережившей много бед, ноге. Но к счастью, короткая верёвка, завязанная вокруг шеи животного, не позволила псу приблизиться.

Клаус тут же поднялся на ноги, приложил ружьё к бедру и, не отводя взгляда от гавкающей псины, заковылял прочь.

Пес не перестал лаять даже тогда, когда он скрылся из виду.

13

С неба падали огромные хлопья снега.

Тулупу стоило воздать должное – он хоть и изношенный, но все же отлично согревал. Без него далеко бы уйти не удалось. Вот только вопрос: далеко – это сколько? И главное – куда?

Клаус не имел понятия, сколько времени находился в пути. Опираясь на костыль, он брел среди деревьев, то и дело проваливаясь в глубокие сугробы. Еще и раненая нога давала о себе знать тягучей болью.

Он начал жалеть о своем необдуманном решении отправиться как можно скорее, не взвесив как следует все за и против. Но он не мог поступить иначе! Свобода стоит того, чтобы за нее рискнуть жизнью! Ведь какая же эта жизнь – без свободы?

И все же...

Надо было дожидаться, когда старик очнётся. Приставить ружьё к горлу и потребовать, чтобы он вывел его из этого распроклятого лабиринта! Он бы сказал это так громко, что тот и без знания немецкого понял, что от него требуют.

Но было поздно. Клаус попросту не помнил пути назад. Если бы не начавшийся снег, засыпавший его следы, он смог бы вернуться, и тогда...

Солнце стало светить бледнее, а казавшийся теплым тулуп начал пропускать внутрь себя холодок. Клаус понял, что близится вечер, а за ним, и глазом он не успеет моргнуть, наступит ночь.

Ночь. От одной только мысли о ней ему стало еще холоднее.

Если понадобится – я заночую в лесу. У меня есть все для этого необходимое. Если понадобится...

Как же он надеялся, что этого не произойдет.

Голова закружилась. Деревья раздваивались. Клаус был измотан и чувствовал, что в любую секунду может упасть.

– Я не упаду, Тоби. Клянусь тебе – я не упаду, – бормотал он себе под ухо. – Я поймаю тебя. Обязательно поймаю... прямо на лету.

Когда тьма опустилась на лес, Клаус продолжал идти, но было видно, что каждый следующий шаг мог оказаться последним.

Он молил только об одном, пока голова была еще в состоянии думать:

Прошу, Господи, дай мне услышать звук истребителя...

По голове будто стучали молотком. Удары становились сильнее с каждым залихватистым лаем Борьки, звучащим откуда-то издалека.

– Заткнись, – бубнил Сергей, не отрывая глаз. – Умолкни, сукин ты сын.

Но пес не затыкался. Казалось, он нагло с каждым замечанием гавкал все громче. Сергей открыл глаза, что далось ему нелегко, и осмотрелся.

Сначала не обнаружил ничего подозрительного: он лежал в собственном погребке, где пребывал много времени, ничего такого. Ему даже захотелось продолжать спать, пока вдруг не заметил одинокий столб с разорванными кусками пут, что показалось ему вначале странным, а потом и вовсе ужасным. Память, еще несколько секунд будучи пустым холстом, начала наполняться изображениями, вырисовывая картину произошедшего за последние дни: охота, кулёмки, крушение самолета и...

Немец!

Сергей вскочил на ноги и ощутил очередной удар невидимого молотка по голове, заставивший поморщиться от боли. Он подошел к столбу, освещаемому одним лишь бледным просветом солнечного луча из щели, и попытался дорисовать в голове картину вчерашней ночи. Но как бы он ни старался, на холсте по-прежнему оставалось белое пятно – самая важная деталь. Все, что он смог вспомнить, это как отмечая дни в календаре наткнулся на день рождения Максима, а затем...

Да, вспомнил он, а затем я попытался придушить горе бутылкой, наверняка не одной.

Под ногой хрустнуло стекло, но он не обратил на это внимания. Он поспешил к лестнице, коснулся дверцы и попытался ее открыть, но та не поддавалась. Сначала подумал, что приложил недостаточно усилий, и нажал на дверцу еще сильнее, но ту будто гвоздями прибили – не поддавалась ни в какую. И только тогда он понял, что немец, скорее всего, положил на дверцу его тяжеленную буржуйку, которую с таким невероятным трудом Сергей дотащил досюда три года назад вместе с Максимкой.

Мысль, что они поменялись с пленником местами, заставила его на секунду ухмыльнуться.

– Эй, парень, слышишь?! Выпусти меня отсюда! Сейчас же выпусти, я тебе сказал!

Молчание.

– Ганс! Отвечай!

В ответ лишь один только лай Борьки.

– Ах ты щенок такой... Ну я тебе... – пробормотал он, но вдруг понял: немец не здесь. Он сбежал. Взял и сбежал, заперев его в погребе.

– Дурак, вот же дурак!

Сергей удивился, почувствовав, что внутри у него все защемило от волнения. Он не мог понять, почему это происходило, почему это чувство вонзилось подобно кинжалу в мягкую плоть. Это было странно, почти так же странно, как в тот день, когда он вернулся за Гансом к месту крушения. И, как и тогда, он желал как можно скорее избавиться от этого чувства.

В темноте было тяжело разобрать, где что лежало, но Сергей знал свою и без того крохотную хибарку вдоль и поперёк. В углу погреба он нащупал джутовый мешок и, пошарив в нем, попутно натываясь на разные инструменты, вытащил оттуда молоток. Этого мешка последний раз он касался тогда, когда вместе с сыном построил лабаз в прошлом году. Боже, как же давно это было...

Он подвинул табуретку ближе к подвальной лестнице, встал на нее, занес молоток над головой, а затем как следует ударил по деревянному потолку. Щепки и пыль падали на лицо, заставляя жмуриться. В голове возникла мысль, как бы было легко немцу выбраться из этого

погреб, будь у него не связаны руки. Без сомнений, можно было бы получше предусмотреть все и, например, вынести этот старый мешок из погреба до того, как он затащил туда немца. Но теперь поздно думать о подобном, сделанного не воротишь.

Интересно, как же он, гад, выбрался?

Размышляя об этом, он и не заметил, как дыра над головой стала шире, и вскоре он смог просунуть в нее руку. Когда отверстие стало достаточно широким, он, схватившись за край, с трудом подтянулся и оказался на полу. Дышать было тяжело, сердце стучало как ненормальное, и поэтому он позволил себе минуту передохнуть, прежде чем приступить к следующему шагу.

Борька не унимался. Будто почуял, что хозяину удалось выбраться из плена, и залаял еще более надрывно, чем прежде.

Сергей тут же увидел учиненный им вчера бардак, теперь к нему прибавилась еще и дыра в полу. Вещи где только не были разбросаны. В голове постепенно начала проясняться картина минувшей ночи. В ней благодаря водке – злейшего его врага – он превратился в зверя, в гнев увинившего этот беспорядок. Ему стало стыдно.

На стене, где обычно весело ружье, он обнаружил пустое место. Тут же понял, что Ганс его забрал и...

Он не прикончил меня?

Лай Борьки не давал собрать мысли в кучу. Он направился к двери, чтобы успокоить пса. Рука по привычке потянулась к крючку возле входа, но и здесь он заметил очередную пропажу: его единственный тулуп отсутствовал, должно быть, немец и его прихватил с собой.

Борька тут же радостно заскулил и завилал хвостиком-крендельком, увидев хозяина. Лохматый товарищ по охоте ни с того ни с сего вызвал в нем такую жалость, что он отвязал пса от цепи и крепко его обнял. Борька, в свою очередь, принялся облизывать седую бороду хозяина шершавым языком, словно пережил длительное расставание.

– Ну, ну, атаман, тут я, тут... – шептал Сергей на ухо псу. – Пойдем, надо разыскать нашего беглеца. След будешь брать.

15

Много вещей брать не стал – только необходимое: спички (благо, немец утащил их не все, а лишь единственный коробок), колун, котелок и пару картофелин, хранившихся в лабазе. Все это сложил в тот самый джутовый мешок, из которого вытащил молоток. Он не исключал, что придется заночевать в лесу, поэтому взял все необходимое. Он всегда старался готовиться к худшему.

Отсутствие тулупа ухудшало положение. Один лишь свитер из овечьей шерсти – не самый лучший гардероб для прогулок по зимнему лесу, а другой теплой одежды у него не было. Решение все же нашлось, когда взгляд его упал на одну из шкурок куницы, лежащих на полу среди прочего беспорядка. Он взял несколько, которые успел содрать с тушек за последние дни, и просунул их под свитер. Чтобы те не спадали в движении, закрепил их бечёвкой, которую прочно завязал вокруг пояса, сделав некое подобие ремня. Таким нехитрым образом самодельное утепление было готово уже спустя десять минут.

Последнее, что оставалось сделать Сергею, прежде чем отправиться на поиски немца, – дать его след псу. Для этой задачи он подобрал в погребе окровавленные путы, лежащие возле столба. Вербка с момента пребывания здесь немца успела пропитаться его запахом, и поэтому, как только Борька уткнул мокрый нос в нее, он тут же возбужденно залаял, пытаясь как можно скорее сорваться с места. Сергей не стал задерживать пса. Надев снегоступы, он дал Борьке команду и последовал за ним.

Солнце находилось в зените, что означало совсем скорое наступление темноты, в которой Ганса найти будет намного сложнее. Нужно было спешить.

Когда Борька побежал на север, Сергей сразу же понял, что пленник выбрал худший путь из возможных. Он шел туда, где на много верст окромя леса и заснеженных полей не было ничего. Вот если бы он взял чуть левее, на северо-запад, то через пару деньков пешего пути достиг бы финской границы. Если бы дошел, разумеется...

Далеко он вряд ли забрел, с его-то ногой...

Сергей тяжело закашлялся. Пришлось остановиться и простоять какое-то время, прежде чем режущая боль в горле самую малость ослабла, но не ушла окончательно.

Борька залаял, будто подначивая хозяина поспешить. Как раз в эту секунду с неба посыпался настолько пушистый снег, что закрывал большую часть обзора впереди.

Он поспешил за Борькой, попутно пытаясь отвлечься от боли, но горло точно стругали рубанком, превращая все внутри в мелкие стружки. Одна из таких, в виде окровавленного кусочка плоти, как раз вылетела из его рта, но он ее не заметил.

Или предпочел не замечать.

16

Вот бы сейчас превратиться в птицу, мечтал Клаус. Взлететь, оторваться от этого клятого снега, проникшего уже во все щели тулупа, и с огромной высоты посмотреть, куда черти меня занесли...

Из последних сил он ковылял по сугробам. Каждый шаг давался ему с невероятным трудом. Особенно это ощущалось, когда нужно было опираться на жердь, чтобы перевалить раненую ногу вперед. В какой-то миг голова перестала соображать и сделалась словно чугунной. Казалось, он блуждает в сновидении, но только не в одном из тех прекрасных, где парит среди облаков, так часто сновившихся ему. Этот сон, если он был таковым, разрывал его отчаянием. Отчаянием, где у пути, по которому он шел, не было ни конца, ни края. И он будет идти так до тех пор, пока не упадет.

Что и произошло спустя пару метров.

Он оперся двумя руками о жердь, чтобы перевести дух, и та вдруг треснула и сломалась напополам. Он попытался удержать равновесие и выставил вперед левую ногу, что и было самой большой ошибкой. Следующие несколько секунд в лесу разносилось эхо одиночного крика, наполненного агонией. Лежа лицом в сугробе, Клаус пытался отвлечься от боли в ноге, крепко сжимая голыми руками мокрый снег, но это помогло не сильно.

– Нужно отдохнуть, – шептал он успокаивающим голосом в сугроб перед своим лицом.

Подняв голову, он увидел, как из-за горизонта выглядывало заходящее солнце, забирающее с собой последние теплые лучи. Клаус понимал, что сейчас должен встать, найти новую опору для ноги и отыскать подходящее место для ночлега. Но при одной только мысли обо всех этих простых действиях ему сделалось дурно. Для него это было сродни восхождению на Эверест.

Тело так изнывало от усталости и холода, что он поддался самому большому своему желанию – поспать. Не хотелось думать, не хотелось сопротивляться, не хотелось ничего, кроме как закрыть глаза и уснуть. Так он и поступил.

Тоби появился спустя несколько секунд. Он стоял возле него в одной рубашке с жилетом синего цвета поверху и тоненьких брючках. Русые волосы из-за заходящего солнца превратились в рыжие и ярко блестели. Стоя по колено в сугробе, мальчик, не отрывая глаз, смотрел на брата.

– Тоби, – голос Клауса дрожал. – Чего ты так оделся? Замерзнешь же.

Мальчишка замотал головой.

– Не замерзну.

Клаус не стал спорить. С братом всегда было бесполезно спорить.

- А чего ты тут лежишь?
 - Не могу встать.
 - Почему?
 - Нога болит.
 - Почему?
 - Тоби, – Клаус выдохнул. – Слишком много вопросов.
 - А что с руками, ими можешь пошевелить?
 - Не знаю.
- Мальчик подошел вплотную к брату, взял его за левую руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.